

ВЕРА ЧИРКОВА

Свадьба отменяется

Книга вторая

Осада

Тщательно подготовленные королём смотрины, а заодно и все планы и надежды герцога Анримского и его друзей в одно мгновение сломаны чёрным шаманом, похитившим прекрасных принцесс. Взамен злодей оставил страшное заклятье, угрожающее неминуемой гибелью и самому Дорданду, и всем окружающим.

Лишь чудом удалось придворному маистру и его подруге вырвать подопечных и их гостей из объятий тьмы, отправив в ненадёжный портал, но никому не известно, чем закончится опасный эксперимент и не ждут ли спасённых новые, более опасные и трудные испытания.

Вера Чиркова

Свадьба отменяется. Книга вторая. Осада

Набирающее силу заклятье мглы с невероятной быстротой поглотило остатки света и собралось в непроницаемую полусферу, накрывшую центр зала гигантской перевёрнутой чашей. И эта чаша беспрерывно сокращалась, с ужасающим упорством наползая на с трудом удерживаемый Тренной купол и захватывая попадавшиеся на пути вещи. С каждой секундой она теснила двух магистров всё сильнее, и супруги, в обнимку застывшие в точке, куда стремилось выпущенное на волю кровожадное зло, точно знали, какая участь их ждёт.

Появлялись иногда в королевствах такие страшные амулеты, изготовленные чёрными шаманами в их таинственных убежищах. Злодеи позаботились, чтобы у жертв, попавших в ловушку тьмы, не было не только возможности укрыться или спрятаться, но и малейшей надежды остаться в живых. Сферу «чёрной мглы» не могли остановить ни щиты, ни заклинания, она неумолимо сжималась до тех пор, пока выбранные её хозяином жертвы не превращались в досуха выжатые мумии.

И лишь вдосталь напивавшись жизненной энергией обречённых, мгла бесследно исчезала в хаосе, откуда её когда-то заманил на кровавую наживку и запер в амулете смерти чёрный шаман.

Гизелиус наблюдал за происходящим с отчаянием и обречённостью. Он ещё не успел полностью восстановить резерв после событий той проклятой ночи, и теперь у него не хватало силы даже на помощь Тренне. О нескольких гранах, хранившихся в последнем амулете, он не забывал, но старался пока не думать — они пригодятся в самый последний момент, чтобы подарить лёгкую смерть его любимой.

Магистр изучил несчётное количество заклинаний: бытовых, боевых и целительских. И точно знал, что ни одно из них не сравнится по силе и жестокости с «чёрной мглой». Гизу очень хотелось бы выяснить, где мог степной самоучка добыть амулет с одним из самых страшных и неуправляемых заклинаний? И почему он забирал принцесс с таким шумом, ведь немного раньше мог спокойно выкрасть их по одной? Ещё несколько вопросов жалящими осами роились в его голове, однако магистр с безжалостной ясностью осознавал, что искать на них ответы придётся кому-нибудь другому.

— Зелик, тут под полом как будто пустота?

В ответ Гизелиус только крепче прижал к себе жену и грустно улыбнулся. Вот в этом вся Тренна. Словно зверёк, попавший в стремительный поток, будет грести лапками до тех пор, пока остаётся хоть капля силы.

— Я обожаю тебя, — сообщил маг жене так нежно, что у самого защипало в носу, — прости... я говорил это слишком редко, и ещё... я любил тебя задолго до того, как ты вышла замуж в первый раз... только сказать боялся.

— Зелик, ты мне об этом обязательно расскажешь, — деловито перебила Тренна, — и даже по шее получишь... но позже. Сейчас мы туда провалимся... постарайся замедлить падение хоть немного, я не могу одновременно...

Договорить Тренна не успела. Кусок пола под их ногами от действия заклинания развеивания рассыпался трухой, и маги полетели в подвал.

На заклинание левитации магистр истратил последние заветные капли силы, прибережённые на самый крайний случай, но оно того стоило. Супруги рухнули в склад садовника, а тяпки, косы и бороны — вовсе не те предметы, на которые можно свалиться

безнаказанно.

— Бежим, — дёрнула мужа за руку Тренна, одним движением пальчика срывая с двери замысловатый замок, особую гордость старшего садовника, — нужно быстро найти бойню или хлев...

О, это сладкое слово — надежда!

Символ странного, неправильного чувства, данного людям свыше то ли в утешение, то ли в наказание. Как часто, поверив призрачной мечте о чуде, люди только затягивают собственные страдания, проводя в ожидании невозможного спасения мучительно долгие годы, дни и минуты.

Но иногда судьба, действующая совершенно произвольно и абсолютно нелогично, даёт человеку счастливый шанс. И если он успеет его распознать и вцепиться мёртвой хваткой — происходит несбыточное. Среди гиблого болота возникает клочок твёрдой земли, на пустынной дороге, словно ниоткуда, появляется отряд припозднившихся воинов, а в тёмной морозной ночи вдруг совсем рядом вспыхивает тёплым светом окошко лесной сторожки.

Вот и сейчас изобретательный разум Гизелиуса мгновенно просчитал, как можно попытаться принести вместо себя в жертву более примитивных существ. Дворцовые повара откармливали в отгороженном от конюшни закутке пару поросят и в тот день, когда год с самой тёмной ночи поворачивал к свету, жарили их на огромных вертелах прямо посреди двора.

Ничего... лишь бы всё удалось, он купит им в три раза больше свиней и бочку лучшего вина... Молитесь, повара и охранники, за удачу двух магистров.

Маленькая дверца, через которую поварята носили в свинарник помои, распахнулась издали от взмаха руки леди Тренны. Магистры, мчавшиеся так, как не бегали ещё ни разу в жизни, заскочили в неё с резвостью спасающихся от пожара мышей.

— Сюда. — Гизелиус подтолкнул жену к навозному оконцу и, едва она ухватила за грязные доски, резко выпихнул наружу.

Тренна отплатила тем же: стоило мужу высунуться по пояс, махнула рукой, и магистр вылетел из закутка, как пробка.

— Ох, тёмные силы... — сорвалось с губ мага, когда он впечатался в ближайшее дерево.

Однако Тренна, успевшая бросить на каморку самый сильный из своих щитов, чтобы гнавшаяся за ними по пятам мгла, получив в жертву поросят, не ринулась дальше, уже была рядом с мужем.

Торопливо провела руками над его согнутой от боли спиной и потащила магистра прочь. И лишь добравшись до густых кустов, росших у самой стены, и убедившись в отсутствии наблюдателей, повернула камень в порталном амулете.

Гизелиус даже слова не успел сказать, как ощутил себя лежащим на чём-то мягком.

— Почему ты не ушла сразу? Ведь у тебя был портал? — строго поинтересовался он, одновременно пытаясь понять, где они находятся.

Судя по запаху и шелесту сушёной травы, полумраку и прохладе — лежат в сарае на куче сена. И, следовательно — можно не торопиться и передохнуть. Хотя бы несколько минут.

— Амулет очень слабенький... знахаркам сильных не положено... боялась, не вытащит двоих, — всхлипнула вдруг Тренна, крепче прильнула к мужу и спрятала лицо у него на груди.

— Куда ты собираешься идти дальше? — бессовестно наслаждаясь её нежностью и яркими эмоциями, шепнул магистр, и не думая выпускать жену из объятий.

— Мы собираемся, — не повелась на уловку магиня. — Нужно бежать отсюда, амулеты Вестура уже засекли мощный выброс магии, значит, повод немедленно начать расследование у него вполне законный. А все наши свидетели где-то в южных степях... Хотя... некоторые и вообще на побережье.

О том, что герцога и его гостей могло выбросить вовсе не на берег, а в открытое море, оба предпочитали пока не думать и тем более не говорить. Не стоит злить свою неправную судьбу.

— Тренна... я тебя очень люблю, но сейчас ты побежишь одна... тсс, молчи, не спорь, родная. Дай мне мой браслет, я должен вернуться во дворец. Моим ученикам никак нельзя снова попадать к Вестуру. И, кроме них, есть ещё важное дело: пирожник, помощник главного повара... Я проверил всех остальных, лишь на нём стоит очень знакомая мне мощная ментальная защита. Сейчас его нет в замке, уехал закупать продукты, но я должен предупредить гвардейцев... В общем, так. Знаешь деревеньку в пяти лигах отсюда на юг? Там есть мельник, Акинт, ему достаточно назвать моё имя. Жди меня там, я обязательно приду.

— Отличный план, — серьёзно похвалила магиня и нежно поцеловала мужа, — однако всё будет наоборот. За учениками иду я, а ты едешь в деревню. И не криви губы, это не обсуждается, у меня ещё почти половина резерва осталась. Идём, я познакомлю тебя с моим гостем. Ему тоже незачем тут теперь оставаться.

Воспоминания об уютном ужине, нечаянным свидетелем которого Гизелиус стал, мгновенно разбудили в его душе отголосок недавней обиды и ревности. Тут же растаявший в тёплой волне любви и нежности, исходящей от жены.

— Он не считает меня сумасшедшим? — стыдась за ту вспышку, чуть виновато осведомился маг, сползая вслед за Тренной с сенника.

— Нет. Он сказал, что искренне мне завидует... но об этом потом. — Магиня торопливо отпирала неприметную дверцу чёрного хода.

Дом встретил их уютным теплом и запахом жаркого, а на лёгкий стук двери из кухни выглянул злосчастный незнакомец.

— Леди... вы вернулись? Что-то случилось?

— Да, но вам всё объяснит мой муж... он под личиной, — торопливо бросила Тренна, устремляясь к двери своей спальни, оказавшейся рядом с кухней.

Метр проводил её удручённым взглядом, начиная понимать, как непросто жила его жена все эти годы. И насколько опасна была её таинственная деятельность, если обожающая свободный вид из окон верхних этажей Тренна выбрала эту комнату. Ведь ничем иным, кроме желания иметь возможность быстро покинуть временное жильё, нельзя объяснить такую непритязательность знатной дамы.

— Гизелиус, — обернувшись к стоящему в дверях кухни мужчине, суховато представился магистр именем, присвоенным почти тридцать лет назад и успевшим за это время стать не просто привычным, а почти родным.

— Людвиг... — внимательно разглядывая гостя, произнёс хозяин и, помедлив, добавил: — ди Эстаргот.

«Кто?! Король Имганта?!» — охнул про себя маг, радуясь собственному умению сохранять на лице невозмутимое выражение.

Однако чувствовал он себя при этом настоящим болваном. Это надо же было так поторопиться с выводами, чтобы не заметить на друге Тренны признаков личины, если даже

теперь, с почти досуха истраченным резервом, Гиз видит след заклинания?! А талантом эмпата ощущает раскаяние и вину за бездействие, проявленное королём в первую встречу.

— Очень приятно... — далеко не так любезно, как следовало бы, отозвался Гизелиус и заторопился, — собирайте свои вещи, только самое необходимое, нужно бежать. Я пока сложу продукты и оседлаю лошадей.

— Зелик, прихвати и мои мешки, — высунулась на миг из спальни голова Тренны и сразу исчезла.

Значит, тревожилась... подслушивала краем уха, отметив отсутствие звуков открываемой двери, сообразил маг, направляясь в сторону кухни, и горько усмехнулся. Ну да, он вполне заслужил такое недоверие, позволив эмоциям заглушить голос разума. Это и само по себе предосудительно, а для взрослого магистра вообще недопустимо. Но ведь понял же сам, и раскаялся... неужели теперь каждый раз придётся доказывать, что он вовсе не сумасшедший ревнивец?

Магистр поспешно побросал в мешок найденные продукты, не забыв прихватить соль и туесок с мёдом, Тренна любит сладкое, хотя никогда в этом не признаётся, и заторопился в конюшню. У Вестура достаточно людей, а в их возможностях маг успел убедиться на своей шкуре.

— Кстати, не зови лорда Людвига этим именем... — Тренна выскочила ему навстречу уже в мужском костюме и довольно неплохой личине, — лучше — Виго, а вот в этом мешке тёплая одежда для тебя. Всё, я побежала.

И она действительно побежала, в ту же дверь чёрного хода, которой тут, похоже, было принято пользоваться чаще, чем парадной. Так вот почему жена в тот раз так поздно его заметила, сообразил магистр, просто не ожидала ничьего появления через запертую и хорошо защищённую гостевую дверь.

Гиз прихватил неожиданно лёгкие мешки и заторопился следом, однако, войдя в конюшню, услышал только топот копыт да заметил мелькнувший в воротах круп запасной лошади.

Всё-таки его жена очень хозяйственная и предусмотрительная женщина и наверняка заранее продумала различные варианты развития событий, раз держала в конюшне полдюжины скакунов, довольно усмехнулся магистр, оглядывая оставшуюся четвёрку лошадей. И вдруг понял: забрать отсюда нужно всех, хотя и не очень просто будет вывести их из города, не заинтересовав никого из снующих по переулкам шпионов шести или семи стран и людей Вестура.

Зато не придётся покупать лошадей у крестьян. На это у них нет времени, да и неприхотливые рабочие одры в походе в десятки раз хуже этих красавцев. Жаль, у него сейчас слишком мало энергии, неплохо бы прикрыть их отводом глаз. Ну, значит, придётся бросать морок... и лучше на выезде из города. И вообще будет правильнее, если они сначала направятся в сторону Эристы, а лишь потом свернут к югу. Помнится, там было несколько полузаросших троп, какими пользуются мелкие торговцы и перегонщики скота.

Король появился, когда маг уже навьючил мешки на двух запасных лошадей и седлал второго жеребца. Людвиг тоже успел переодеться в простой дорожный костюм, в каких путешествуют небогатые помещики и горожане, и только намётанный глаз Гизелиуса, любившего пользоваться именно такой маскировкой, отметил особое качество внешне грубой одежды. Да и мешки, сшитые из грубого полотна, имели немало секретов. Пропитанная специальными смолистыми составами ткань не пропускала воду и отлично

держала тепло, а на стоянках, развязав шнурки и развернув полотна во всю ширину, можно было легко собрать из них походный шатёр.

— Куда мы едем? — умело пристраивая поклажу на спины лошадей, небрежно поинтересовался Людвиг, и никому другому маг никогда и не подумал бы говорить правду.

Однако и солгать отцу, ещё не знающему о потере дочери, не мог. Как и не решался пока сказать всего... неизвестно, какотреагирует король, а им ещё предстоит проехать чуть не через полгорода. И потому предпочёл уклониться от ответа.

— Пока в сторону Эристы, потом расскажу подробнее, — коротко сообщил магистр и, слишком поспешно вскочив в седло, тронул поводья.

Застоявшийся конь легко рванул с места, вынося мага на дорожку. Сзади дружно цокали подковами остальные лошади, на последней из которых сидел Людвиг, король не при королевстве, а при королеве. Его мучили какие-то тоскливые мысли, и отлично чувствовавший эту застарелую тоску магистр досадливо морщился. Гизелиус пока не решался прикрыться от чужих эмоций ментальным щитом. Всегда лучше узнавать о враждебных намерениях загодя, и хотя сегодня гостям Дорданда и самому герцогу это не помогло, но этот случай — исключение из всех правил. И такие невероятные происшествия в магической практике происходят крайне редко.

* * *

Время для выезда они совершенно случайно выбрали очень удачное, на улочках было много всадников, начиналась пора вечернего приёма воды. Нагруженные поклажей кони тоже встречались довольно часто, гости, только сегодня прибывшие в город, мотались по улицам в поисках жилья.

Как ни хотелось Гизелиусу подъехать поближе ко дворцу в надежде повстречать Тренну с учениками, позволить себе такую неосмотрительность он не мог. Слишком хорошо знал: чем больше будет отряд, тем лучше запомнят его местные жители, и, значит, проще будет найти. Поэтому они с королём пробирались к дороге на Эристу самым кратким путём, предпочитая проехать самыми оживлёнными перекрёстками и улицами; в такой толчее трудно проследить за ещё двумя неприкаянными гостями.

Через речку, считавшуюся границей Дивноводска, спутники перебрались по мосту в компании с тремя покидавшими город всадниками, и старший из них, поприветствовав незнакомцев, не замедлил поинтересоваться, не в Эристу ли они направляются.

— Именно туда, — спокойно подтвердил Гиз, — но мы намерены заехать в деревню за друзьями, они там ночевали.

Незнакомец понимающе кивнул — одинокие селянки были самой лёгкой добычей для скучающих ловеласов, и подстегнул коней, в этом случае ждать попутчиков бесполезно. Оба молодые и крепкие, вполне могут решить составить друзьям компанию, и не на одну ночь.

Не желая выдавать первым встречным истинных намерений, магистр свернул на тропу, ведущую к раскинувшейся севернее деревушке, а едва назойливые попутчики скрылись из глаз, решительно развернул лошадей в другую сторону.

— Ваша жена тоже всегда так поступает, — понимающе пробормотал король, — говорит одно, а делает другое, и никогда не поймёшь, о чём она думает на самом деле.

Вспышка боли и горечи, внезапно полыхнувшая в душе короля, ножом пронзила не

успевшего прикрыться Гиза, до сих пор не решившегося поднять ментальные щиты. Но ответил маг Людвигу не сразу, а лишь после того, как они пересекли дорогу и проехали с пол-лиги на юг по найденной им тропе.

Да и не так просто было ответить человеку, в рисунке судьбы которого боги намешали больше чёрной краски, чем белой. Людвиг от рождения был ненаследным принцем, являясь по матери одним из трёх племянников королевы Гренессии Генриетты. Будучи очень спокойным и мечтательным юношей, он совершенно не помышлял ни о каком троне и спокойно занимался живописью и разведением лошадей. Но однажды, в далеко не самый прекрасный из дней, совершенно случайно встретил на приёме у дяди принцессу Аннигелл. Любовь зла, златовласая кокетка мгновенно затмила в сердце юного принца не только всех ищущих его внимания прелестниц, но и любимые занятия.

Людвиг перебрался в Имгант, купил себе дом в столице и принялся ходить на все балы и приёмы, превратившись из скромного художника в первого светского щёголя. Однако всё оказалось напрасно, Аннигелл была влюблена в жениха, юного короля Аграната, и видела себя только на троне объединённого королевства, не меньше.

Их жизни сделали резкий поворот в тот день, когда камушек судьбы подвернулся под копыто лошади, мчавшей Аграната за не менее судьбоносной косулей. Верный оруженосец довёз короля до ближайшего небольшого поместья, и пока он ездил за придворным лекарем, девушка, перевязавшая королю разбитую голову и сидевшая рядом с ним до прибытия толпы перепуганных придворных, успела стать для Аграната самым главным человеком в жизни.

Король сначала и сам этому не поверил и, уезжая, даже не простился с прелестной сиделкой. Однако уже на другой день королевское сердце скрутила незнакомая ему прежде тоска, и он осознал, что жизнь без любимой не стоит и яблочного огрызка.

Получив прощальное письмо бывшего жениха, Аннигелл перебила в гостиную все вазы, а поостыв, начала действовать. Однако ни подкупы, ни угрозы, ни подосланные убийцы не могли противостоять могущественной судьбе. Если фортуна намерена сделать по-своему, бесполезны все людские желания и усилия.

Людвиг воспрянул духом, засыпал принцессу своего сердца цветами и подарками, но дорогу ему снова перешли. Но этот раз личный секретарь принцессы, неожиданно для всех получивший пост первого советника. Придворные сплетни донесли до влюблённого принца подробности любовных свиданий Аннигелл и новоиспечённого чиновника, и Людвиг, не выдержав, бежал в родной замок. А через пару лун неожиданно получил от принцессы письмо, в котором она совершенно недвусмысленно предлагала себя в жены. Послание было зачаровано и рассыпалось прахом после прочтения, но принцу было довольно и этого. Любимой плохо, она его ждёт... вот о чём он думал, сломя голову скача в Имгант.

Истина оказалась горше полыни. Уже через несколько дней после скоропалительной свадьбы юный король с оглушительной чёткостью понял, как подло его провели. Его жена и не думала отказываться от тайных встреч с прежним любовником. Но не это было для Людвига самым жестоким ударом, почти в тот же день он выяснил, что Аннигелл ждёт ребёнка. И вовсе не от него.

Все в срединных королевствах были в курсе, на кого похож первенец Имгантской королевы, но крепко держали языки за зубами. Так же жёстко, как отстранила мужа от управления королевством, Аннигелл отправляла в изгнание всех слишком дерзких подданных.

И так же решительно через несколько лет отправила в монастырь малютку дочь, едва

заметив, с какой нежностью возится с нею Людвиг. Правда, спустя десять лет, посетив монастырь ради очередного ритуала омоложения, на которые приезжала к Тренне, и заметив, как похорошела Аглесса, королева велела прислать девушку во дворец. Все эти годы она не переставала мечтать о троне двух объединённых королевств и о мести Агранату.

— Моя жена поступает так от необходимости. — Король даже вздрогнул от голоса Гизелиуса, когда тот заговорил. — Магам приходится быть осторожными. На нас всё время охотятся люди Вестура, и не стоит верить рассказам о справедливости приговоров Совета. С каждым годом всё больше учеников подвергаются выжиганию дара... хотя я давненько не слышал об особо опасных нарушениях правил. И одновременно Вестур где-то берёт совершенно уникальные и безумно мощные амулеты для чтения мыслей... Вас это не наводит ни на какие подозрения?! Сегодня... во время приёма, на нас напал степной шаман, прикинувшийся спутником Тайлихон, дочери хана Дехтияра. Использованный им амулет подчинения даже меня тянул к себе, словно я был попавшей в сети мелкой рыбёшкой...

— И что произошло потом? — Заслышав последние слова, король побледнел и резко остановил лошадь.

— Он увёл с собой в портал несколько принцесс... — не решился далее скрывать случившееся магистр, — мы ничего не смогли сделать... едва успели вывести из-под сферы «чёрной мглы» остальных гостей... теперь их тоже нужно искать. амулет переноса был настроен на остров Битар, но всего на троих... а гостей было в два раза больше.

— А почему вы сами не ушли с тем порталом? — Король за время семейной жизни значительно подрастерял юношескую наивность и доверие к людям, и всё же магистра поразило, что его первый вопрос был не о судьбе дочери.

— Тренна держала над нами защитный купол. Отпустить его было невозможно, сфера тьмы захватила бы намеченные жертвы в несколько раз быстрее. Нам удалось уйти чудом.

— Так, значит, Аглесса сейчас где-то в степи? — Король невольно бросил взгляд на юго-запад.

— И с нею Галирия, Риселла и ещё кто-то... Мне, сами понимаете, было не до того, чтобы считать девиц.

— А как туда попала Риселла? — встревоженно напрягся король и, заметив мелькнувший в глазах спутника интерес, неохотно пояснил: — Я знаю всех воспитанниц леди Тренны, познакомился, когда навещал дочь.

— Прибыла с ханшалли Тайлихон... как переводчица. Вторым сопровождающим принцессы пришёл тот самый шаман, — кротко сообщил магистр и огорчённо вздохнул. Он с удовольствием оставил бы эти объяснения с королём до встречи с Тренной.

— А кто ещё был на обеде?

Людвигу всё-таки снова удалось удивить мага причудливыми путями своей любознательности, но он честно ответил:

— Герцог с секретарём, капитан Дрезорт, графиня Церцилия с кузеном, братья принцессы Галирии, её переводчица Милли, а также компаньонка Аглессы... хотя насчёт неё и капитана я не вполне уверен... Ваше величество! Что с вами?! Вам плохо?

— Нет... благодарю... — Король посерел, словно из него разом выщедило всю кровь одно из тех проклятых созданий, которые творят чёрные шаманы для своих неприглядных целей, — уже прошло... куда ехать?

«Какое там прошло!» — сердито пыхтел про себя магистр, выстраивая из последних крох энергии защитный полог от нестерпимой боли, рвущей, словно когтями, душу короля и

отдающейся в его собственной голове.

Неужели что-то связывало Людвига с той компаньонкой? Вот уж никогда бы не подумал.

Разумеется, Тренне пришлось солгать мужу.

Не было у неё никакой половины резерва. Даже трети не было. Да и откуда бы взяться энергии, если с утра магине пришлось зачаровывать и отправлять несколько посланий? А потом подпитать Людвигу личину, вылечить опухшее колено одному из жеребцов, защитить несколько амулетов для учениц. Хотя они уже давно официально не считаются таковыми... но по сути остались, и никуда от этого не денешься.

Нет, те из учениц, которые, уйдя из монастыря, быстро находят своё счастье, выходят замуж и рожают детей, очень скоро перестают даже к праздникам присылать бывшей наставнице весточки. Потому она и не переживает, провожая заплаканных девчушек за ворота, к каретам и повозкам с родственниками или сопровождающими. И на жалобные просьбы писать письма отвечает клятвенными обещаниями не оставить без отклика ни одной строчки.

Твёрдо зная, писать придётся не более двух-трёх раз. А некоторые воспитанницы и одного раза не напишут; сначала писать нечего, позже некогда, а потом и незачем.

Но вот те, кому пока не повезло и необходима её помощь и поддержка, пишут и приезжают, а некоторые и живут с нею подолгу, точно зная: пока есть леди Тренна, у них будет крыша над головой и на обед кусок хлеба с миской супа.

Тренна тряхнула головой, словно отбрасывая несвоевременные размышления, и сосредоточилась на предварительном плане, точный всё равно пока строить рано. Зато сейчас можно решить, кого она заберёт. Ана и Ди, само собой, а как поступить с Таргелем? Если оставить, так Вестур из него душу вынет. Забрать? Тогда гвардейцы Дрезорта останутся и без командования, и без помощи.

Ставя над гостями защитный купол, магиня успела заметить, как появившийся в зале Брант стремительно метнулся к герцогу, видимо, ещё от дверей почувствовав неладное.

Тренна неожиданно вспомнила про прибывающую завтра Аннигелл и огорчённо скривилась, словно укуса хлебнула.

Как неправильно всё пошло... совершенно не так, как предполагалось.

И хотя сама она в этих интригах на первый взгляд человек случайный, но в королевские тайны давно посвящена и за это время начала догадываться, к чему могут привести хорошо замаскированные козни. Да и королевским шпионам уже несколько лет зашивает раны и сращивает кости. Потому-то год назад и согласилась помочь старым друзьям, которым обязана столь многим, что отказаться было почти невозможно.

Хотя, если бы Зелик сказал ей о том, в чём признался сегодня, Тренна сто раз подумала бы, прежде чем соглашаться, но теперь поздно об этом вспоминать. Поневоле придётся ждать, пока с неё снимут данные клятвы. Сама она на это не имеет ни права, ни ключа от заклинания. Хотя всё может решиться и само собой, раз уже нету ни невесты, ни жениха...

Вот только за Риселлу душа болит всё сильнее. Кто бы мог подумать, что такая мощная защита не выдержит напора шаманских заклинаний? Лично она никогда бы в это не поверила, ведь лучшие магистры те амулеты зачаровывали.

Тренна оставила лошадей в знакомом двореке, неподалёку от калитки в королевский парк, и, оглянувшись, мышкой скользнула в кусты. Кому какое дело, зачем туда полез незнакомый всадник и почему он не появляется так долго? Ведь никто не додумается лезть

проверять, а если и полезет, не страшно. Решит, будто незнакомец давно вышел с другой стороны.

Ещё с дорожки магиня слышала шум, топот и взволнованные голоса и решительно прибавила шаг. Браслет она надела сразу, едва оказалась в кустах, и теперь не боялась попасться на глаза гвардейцам или слугам. А людям Вестура пока рано тут объявиться, хотя ей нужно очень поспешить, чтобы с ними разминуться.

Наверное, судьба, до полусмерти напугав магистров полчаса назад, всё же устыдилась, раз решила сделать Тренне неожиданный подарок в виде ученика Гиза, стоявшего прямо у неё на пути. Ан внимательно разглядывал на тропе нечто, видимое только ему, и магиня подобралась почти вплотную.

— Я от вашего учителя, — шепнула чуть слышно, костеря себя за самоуверенность и торопливость.

Вот почему заранее не спросила мужа про пароль, не может же быть, чтобы он ни о чём таком не договорился с учениками?

— Вижу, — неожиданно ответил Ан, — вы его жена. Магистр поставил свой маячок и на вас, и на тех, кому доверяет, тоже. Что случилось?

— Нужно уходить. Срочно. Через несколько минут тут будут люди Вестура. В комнате Гиза есть саквояж, тот, который поменьше; в нём два браслета, зачарованных на невидимость. Таргеля берите с собой, я вас подожду здесь. Саквояж метра захвати, больше ничего взять всё равно не успеешь. Беги. Кстати... на ком из воинов есть метка Гиза?

— На сержанте Жаме. Жамдере Гарнелосе, я могу его сюда послать, — сразу ответил Ан и с озабоченным видом направился к зданию.

Не нужно, хотела сказать Тренна, но промолчала. В её неутомленном мозгу вдруг зародилась дерзкая идея, и когда через несколько минут на дорожке показался коротко стриженный здоровяк гвардеец, решение было уже принято.

Теперь и магиня видела метку Гиза, очень хитроумно и осмотрительно поставленную на ключицу в том месте, где обычно проходят цепочки амулетов. Чужой не поймёт, решив, будто это просто след от использованного заклинания, а посвящённые знают истину.

— Жам, не кричи. Меня послал Брант. — Не надеясь на благоразумие здоровяка, Тренна приготовилась, в случае, если он поднимет тревогу, бросать заклинание забвения.

Запрещённое, разумеется, да деваться некуда, они все теперь и так нарушители закона. В любом случае попадать в грязные лапы Вестура она не намерена; чего стоит один снисходительный тон, каким он десять лет назад сделал ей предложение! Конечно, если честно признаться, именно настойчивости секретаря главы Совета магиня была обязана своим счастьем, иначе до сих пор сердилась бы на Гиза за его предательство. Ведь Тренна тогда считала, будто Лэнн от неё сбежал; откуда же ей было знать, что он вынужден скрываться под личиной старика?!

— Чем докажете?

— Не буду доказывать, мне вас послал Ан, а ему Брант доверяет, как и Таргелю. Вам нужно немедленно спасать отряд и Бранта. Ваш командир попал в ловушку и сейчас где-то на южном побережье океана в направлении острова Битар. Завтра в Эристу прибывает королева Аннигелл, а с ней войска, и тогда вам отсюда уже не вырваться. Покидайте город осторожно и поодиночке и постарайтесь увести своё судно. Да преданных слуг герцога предупредите, пусть попрячутся. Ещё насчёт пирожника, помощника главного повара; похоже, он и есть главный предатель. Если я смогу отсюда выбраться, то буду ждать вас через

четыре дня у мыса Розовых Чаек. Это единственное место, которое мне известно по пути к побережью.

— Тогда лучше не у мыса, а чуть дальше на юго-запад, там есть маленькая бухта в скалах... наш баркас туда зайти сможет, а большие суда — нет. Кстати, как мы вас узнаем?

— Это мы вас узнаем, на тебе метка Таргеля, как на его доверенном лице, — ничуть не рискуя выдать тайну, сообщила магиня. — А чтобы вы не сомневались, пароль: «Свадьба Дорда отменяется».

— А почему вы не идёте с нами?.. — Жам, словно невзначай, шагнул ближе, и магиня усмехнулась: все воины такие упрямые или только в отряде Дрезорта?

— Так безопаснее... если поймают вас, то хотя бы мы сможем им помочь. — Тренна скользнула в сторону, оставив на прежнем месте звук голоса — простейший и невинный розыгрыш магов природы. — И не забывай, с Брантом герцог, а за него Багрант всем вам головы открутит.

Сержант внезапно рванулся туда, где, по его понятию, находилась магиня, и махнул руками. Закончившаяся неудачей атака его смутила, но лишь на миг, затем воин довольно хмыкнул и вернулся назад.

— А как я проверю, правду ли вы сказали про королеву?

— Вот как встретишь её эскадру, так и проверяй, сколько хочешь и как хочешь, — съязвила магиня, заметив идущего к ним Ана. — Разминуться вам не удастся, если не сумеете придумать какой-нибудь хитрости. И накрепко запомни одно: теперь ты отвечаешь за судьбы почти полусотни людей. Смотри, не ошибись.

Ан, а следом за ним две фигуры, видимые магине лишь отсветами амулетов и метками Гизелиуса, торопливо прошли мимо сержанта, направляясь к калитке.

— А куда это он? — насторожился гвардеец, глядя вслед Ану.

Остальных сержант не заметил.

— Всё, с этого мгновенья пошло твоё время, Гарнелос, люди Вестура будут тут с минуты на минуту, и если не поторопишься, все будете писать в штаны, как старый знахарь.

— Так ведь он... — Сержант смолк, сообразив, что невольно проговорился.

— А он маг и сумел поставить защиту, — резко оборвала Тренна, — но вы ведь так не сможете. До встречи!

Жам постоял пару секунд, прислушиваясь к лёгкому топотку быстро удаляющихся шагов, рыкнул замысловатое словцо и рванул в сторону дворца, на ходу доставая из-за ворота тревожный рожок.

* * *

Ан с невидимыми спутниками ждал Тренну неподалёку от кустов, через которые магиня проскочила, не сбавляя шагу. Успев только на ходу содрать с руки и спрятать браслет.

— Идите за мной, — бросил Ану коренастый крепыш, в котором юный маг с трудом узнал жену магистра, и торопливо зашагал по улице.

Лошадей у магини было всего две. И пока Тренна нарочито долго искала в кошеле монеты, а довольный быстрым отъездом нанимателя старик отпирал ворота, Ан и невидимый Ди уже сидели на одной из них, а на крупе другой примостился Таргель, тоже не снявший пока браслет.

— Держись крепче, — в никуда бросила магиня, занимая место в седле, и хозяин, запиравший за ними ворота, насмешливо хмыкнул: всё понятно, папаша отыскал непутёвого сыночка в одном из тех тайных заведений, где можно за ночь прогулять и проиграть огромные деньги.

* * *

Мудр был первый правитель Дивноводска, первым же указом провозгласивший совершенно бесплатной воду в городских источниках. А на вопрос одного из возмущённых поселенцев, откуда же тогда они будут брать прибыль, хитро усмехаясь, ответил — ну должно же в нашем городе хоть что-то быть бесплатным, всё остальное пусть будет самым дорогим.

Тренна знала город не хуже мужа и отлично понимала, насколько выгоднее ему поехать через мост на Эристу, потому тоже свернула именно туда. Разумеется, умнее всего было бы выехать по другой дороге, но у Зелика абсолютно опустошён резерв, а король вообще не маг. Людвиг, конечно, как и все знатные господа, может биться любым оружием, да и свой меч у него очень неплох, если учесть кастованные на него Тренной, очень неприятные для врагов заклинания, хотя сама магиня и не считала это особой защитой. Простых бандитов тут нет, хотя время от времени и пытаются обосноваться в местных пещерах всякие наглецы. Однако Багрант желает отдыхать спокойно, потому и платит местной охране большие премии за каждого пойманного негодяя.

А вот от сильных магов королю с магистром защититься нечем, хотя приличные маги не занимаются грабежом, незачем им так глупо тратить свои силы и время. Вот только в последние годы слишком много появилось таких магов, у которых есть веские причины скрываться от Совета. Как Тренна успела убедиться, только малая часть одарённых юношей поступает в ученики к магистрам. Ещё меньше тех, кто выбирает службу Вестуру, а остальные вообще предпочитают скрывать свои способности. Вот от таких неприкаянных и можно ожидать любых деяний.

Проскочив мост, всадники некоторое время двигались в сторону Эристы, потом ученик метра вдруг резко осадил коня.

— В чём дело?! — одними губами спросила магиня, почувствовав, как рвётся натянутая ею сигнальная паутинка.

— Они поехали туда, — так же тихо сообщил Ан, указывая на север, — я чувствую след.

— Это Зелик путал следы, мне он сказал — ехать на юг. Ищи дальше.

Через несколько сотен локтей Ан снова придержал лошадь.

— Вы были правы. Тут они вернулись и направились в сторону пристани.

Вскоре маги нашли ведущую к югу тропу, на которую свернули Гизелиус с королём, и устремились следом. Тренне не терпелось объединить отряды, и не только тревога за мужа гнала её вперёд. Волновало, как примет Людвиг известие о пропаже дочери.

Магиня затаила вздох и осторожно оглянулась; неизвестно, какие ещё способности таят эти парни, уже второй раз уведённые ею из-под носа всемогущего Вестура. Сегодня им уже удалось её удивить, находить следы прошедших магов по остаточным искажениям энергетических полей могут всего несколько магистров.

— Они недалеко, — примерно через полчаса сообщил Ан. А ещё через несколько минут,

выехав на берег узкого ручья, Тренна увидела сначала четырёх лошадей, а затем и двоих мужчин. Безмятежно перекусывающих, судя по запаху, тем самым жарким, которое готовил к ужину король.

— Слезайте и присоединяйтесь к нам, — уверенной улыбкой встретил их магистр, поднявшийся с застеленного одеялом валуна, чтобы снять с лошади жену, но обмануть Тренну это притворное спокойствие не сумело.

— Зелик, — шепнула магиня, нежно обвив его шею руками, — всё прошло очень удачно, мы успели уйти вовремя, и погони нет.

— Знаю, — выдохнул ей в волосы магистр. — Я слышал вас издали и решил сделать привал... а заодно обсудить наши проблемы. Кстати, браслеты можете снять... их нужно зарядить на всякий случай.

— Мы до сих пор не знаем... что там произошло... — Таргель протянул магу свой браслет, но тот только качнул головой.

— Я почти пуст. Попробуй сам, у тебя должно получиться. А произошло нападение; советник, сопровождающий ханшалли Тайлихон, оказался шаманом. Заявил во всеуслышание, что никакой свадьбы не будет, а принцессы нужны ему самому. И добавил странные слова, над которыми я всё время думаю... мол, не затем он их собирал, чтобы отдавать герцогу.

— Ничего странного... — тихо произнёс король, отставляя жаркое, к которому едва прикоснулся. — Аннигелл очень хотела править объединённым королевством и поэтому искала союзников везде, где могла. В том числе и в степных кагалах... и не только. Например, Вестур, как я точно знаю, тоже в числе её друзей. Возможно она и договорилась со степняками, чтобы они увели всех лишних претенденток. Вот только непонятно... зачем он прихватил Аглессу? Просто по ошибке или второпях?

— Сейчас невозможно догадаться... зато теперь мне понятно, почему так обнаглел в последнее время Вестур, — задумчиво протянул магистр и спохватился: — А почему вы ничего не едите? Раз мы уже встретились, думаю, не стоит заезжать в ближнюю деревушку, едем прямо на юг, эту местность я знаю, к вечеру доберёмся до карьеров, там есть небольшой посёлок.

— Зелик... — произнесла Тренна, подняв на мужа серьёзный взгляд, — я велела сержанту Гарнелосу выводить из города людей и направляться к баркасу. Мы договорились встретиться через четыре дня в бухте за мысом Розовых Чаек. Не знаю, успеем ли мы... но я подумала... баркас с гвардейцами будет вовсе не лишним. Мы же не знаем... в каком месте побережья... искать герцога с гостями.

Гиз отлично понял недосказанное женой и снова смолчал. Есть примета... не поминай лихо, и оно не проснётся.

— Тогда нам нужно сейчас поворачивать на юго-запад... по речке Нее местные жители сплавляют почти до самого побережья лес, а вверх везут зерно, рыбу и пряности. — Король достал откуда-то карманный географический атлас и через лупу рассматривал исчерченную крохотными значками страничку.

— По реке очень долго, я из этих мест, — внезапно вмешался в разговор Ди, — чуть ниже Нея разливается, и течение сильно замедляется. До нижних порогов будем плыть дней пять, а оттуда до бухты, про которую говорит леди, добираться ещё не меньше суток. Баркас может уйти. Или, ещё хуже, нарвутся на пиратов... те тоже обожают эту бухту, вход в неё почти незаметен с моря. Я сам плавал... знаю.

Магистр не стал выяснять, куда и в каком качестве плавал его новый ученик. Прошлого нужно опасаться лишь тогда, когда человек искренне считает все свои прошлые поступки совершенно правильными. Ведь если в жизни подвернётся похожая ситуация, он обязательно поступит точно так же. Но если совершивший ошибку сам себя осудил, раскаялся и сознательно, без чьего-то давления, выбрал иной путь, можно быть спокойным, такие люди никогда не отступают от собственных принципов.

— Тогда ты и будешь проводником, — заключил Гизелиус уверенно, — а если получится, постарайся рассчитать время с запасом... надеюсь, Гарнелосу удастся уйти от людей Вестура.

Мир вокруг внезапно вспыхнул ярким и ослепительным, как росчерк молнии, светом, и понёсся куда-то вверх.

Дорд невольно зажмурил глаза, да так и не успел их открыть, с громким всплеском уходя в воду. Рот, произвольно открывшийся от рванувшегося из груди крика, мгновенно наполнился горьковато-солёной водой, и страстное желание вытолкнуть, выплюнуть эту солёную, тяжело булькающую гадость вмиг стало единственным. А уже в следующий момент появилась неукротимая жажда жизни и отчаянное стремление к поверхности, туда, где так много света и воздуха.

Он рванулся, пытаясь выгрести, и, не понимая, какая сила держит его под водой, не давая выбраться, яростно задёргался. Однако шею герцога крепко стискивало нечто неодолимо тяжёлое, не дававшее ему никакой возможности поднять на поверхность голову. Душой Дорда потихоньку начало завладевать горькое отчаяние, мелькнула даже подлая мыслишка, объявившая, что это конец, ему уже не вырваться... и вдруг тяжесть исчезла, напоследок больно царапнув скулу, словно сорванная неведомой силой. И почти сразу вслед за этим чьи-то руки решительно выдернули герцога из воды, и он всхлипнул, выплёвывая воду и одновременно пытаясь вдохнуть.

И сразу же мозг пронзила страшная мысль: Милли! Райт! Они же были рядом с ним, значит, сейчас остались там, внизу, под тяжестью тёмной солёной воды.

— Там... — начал герцог хрипло, закашлялся и понял: пока он всё объяснит, они уже утонут.

Нагнулся и ринулся назад в воду, торопливо разгребая её руками и пытаясь как можно скорее уйти в глубину, по опыту зная, на море не так-то просто нырнуть, когда захочешь. Солёная вода стремится вытолкнуть живое тело, зато не отдаёт безжизненное.

Чья-то сильная рука снова схватила его за шиворот, выдернула на поверхность, встряхнула, как собачонку. Вода хлынула из ушей, и непонятные рокошующие звуки превратились в слова:

— Ногами вставай! Тут неглубоко!

Азарил ещё раз встряхнул секретаря и осторожно опустил в воду, и не думая убирать цепкие пальцы с воротника.

— Там Милли! И... и герцог, я же их держал, когда... — Дорд снова сделал попытку нырнуть, но его кто-то схватил за плечи и развернул к себе.

— Я тут, тут, и Милли тоже, — с такого знакомого лица виновато смотрели из-под мокрых ресниц его собственные тёмно-серые глаза, — это мы тебя не сразу нашли, оказывается, кое-кто успел на тебя влезть!

— Я не виновата, — горько всхлипнул незнакомый женский голосок на чистейшем эйтанском, — я не умею плавать, в степи нету столько воды.

Из простого любопытства лорд скосил глаза и обнаружил, что причиной его несчастий была Тайлихон, сидевшая теперь на руках у капитана, крепко стискивая трясущимися руками его мускулистую шею.

— Как это нет, а речки? И большое озеро Харскай?! — возмутился Брант, ловя принцессу на слове. — Азарил, неси... секретаря или давай поменяемся, я понесу.

— Сам могу, — дёрнулся из лап северянина чуть отдышавшийся герцог, ища глазами

Милли. — Девушек возьмите. Всех нашли? Никто не... потерялся?

— Брант говорит — всех, он последним был... А девушек и так на руках держат, вон Милли его брат несёт, она совсем слаба, Церцилию её кузен взял. А Тайлихон с тебя стащил Брант, и теперь она в него как клещ вцепилась... — Райт от счастья, что брат нашёлся и он жив, тархтел не умолкая, даже про Галирию не вспоминал.

Впрочем, напоминать ему никто и не собирался, никто ещё не успел забыть его застывшее лицо. Да и не до того теперь как-то было.

Хотя в глазах ещё стоял сгущающийся полумрак приёмного зала и радужный полог, в котором таяли стройные фигурки девушек, сейчас мысли беглецов поневоле крутились вокруг их собственных бед. Внезапное падение в море оказалось для всех слишком сильным потрясением. А когда, слегка успокоившись, они наконец огляделись, то обнаружили себя стоящими по пояс в воде довольно далеко от берега. И хотя сначала это открытие ввергло всех в уныние, очень скоро путешественники поневоле начали понимать, как им повезло.

Даже тут, на мелководье, в намокшей парадной одежде было очень не просто передвигаться, а если бы они попали в более глубокое место, на спасение можно было и не надеяться. А пока у них был шанс, и никто не собирался его упускать. Сняв сапоги и всё, что позволяли правила приличия, мужчины повесили за спину наскоро сооружённые узелки и толпой двинулись к берегу, поставив впереди Азарила, как самого высокого.

Местами море было по грудь сильнейшей части кучки беглецов, и они брели, по очереди волоча своих спутниц. Иногда попадались чуть более глубокие впадины, но только один раз пришлось преодолеть вплавь несколько локтей.

Особенно трудной оказалась последняя часть пути, где воды было всего по колено. Из-за мокрой одежды идти становилось всё труднее, а бросать её запретил Брант, едко заметивший, что вряд ли их ждёт на берегу чей-то гостеприимный дворец с запасными штанами. По той же причине и девушки стали неимоверно тяжёлыми. Первым сдался граф Данжерон, пробурчавший своей кузине что-то недовольное, после чего она с оскорблённым видом рванулась с его рук. Граф не стал спорить, с видимым облегчением поставил родственницу в воду, и она побрела по мелководью, приподняв до колен подол.

Шертанс плёлся чуть в стороне, старательно отворачиваясь от кухни, чтобы не встречаться с её злым взглядом. Впрочем, все остальные предпочитали делать вид, будто ничего не замечают. Слишком устали и мечтали лишь о том, как упадут на прибрежный песок.

Потом Тайлихон проявила желание идти дальше самостоятельно, и Азарил не стал её уговаривать. Лишь пообещал помочь, если эта задача окажется увешанной золотом девушке не под силу. Однако ханшалли упрямо замотала головой, и по утомлённому лицу не привыкшего сдаваться воина скользнуло невольное уважение.

Брант, решительно передавший степнячку Азарилу ещё на половине пути, упорно двигался рядом с Дордом, готовый в любой момент подхватить друга, и, как обычно, винил во всём себя. Ведь это не он, а Райт первым начал кричать, где его секретарь... правда, в первый раз оговорился, но тогда все ещё были оглушены падением, и никто ничего не понял, кроме Бранта. Капитан лихорадочно огляделся и сразу сообразил, кого именно старательно топил обезумевшая от страха Тайлихон. Рывком дёрнул девушку к себе, одновременно громко оповещая всех о своём открытии. Северянин вмиг оказался рядом, и, пошарив под ногами, вытащил из воды захлёбывающегося секретаря.

А Дорд то и дело, словно невзначай, находил взглядом Милли и сразу отворачивался, не

желая никому выдавать поселившуюся в сердце тайну. Хотя и нестерпимо хотелось отобрать бессильно обвисшую в крепких руках Даннака фигурку, прижать к груди, согреть дыханием... но разум насмешливо предупреждал, что позориться не стоит. Герцог её и двух шагов не пронесёт, сам едва ноги переставляет.

Медленно приближающийся берег оказался прямо перед ними как-то неожиданно; казалось, придётся ещё долго брести, оскальзываясь на камнях, проступивших из песка в полосе прибоя. И вдруг вода осталась позади, и стало можно передохнуть, но почему-то никому не захотелось садиться на сырую гальку, покрытую оставшимися после прилива водорослями. Пришлось тащиться дальше, пока не добрались до полоски сухого золотистого песка.

В первые минуты после падения на горячий песок герцог просто отдыхал, оставив все тревоги на потом; все живы, и это главное.

Ещё радовала погода. Здесь, на южном побережье, зима всегда была так же мягка, как начало осени в родном Анриме, и сейчас стояла почти летняя жара. И хотя мокрая одежда и доставляла неприятные ощущения, зато не грозила простудой.

— Нужно искать пресную воду, — словно отвечая мыслям Дорда, поднялся на ноги капитан, — и мыть одежду, иначе будет хрустеть, как рыба чешуя.

— Леди, прошу прощения... — Брант, давно скинувший камзол и сапоги, закатал штанины и выпустил из-под пояса полы рубахи, сразу став похожим на дрящего палубу матроса, — я на разведку.

— Возьми с собой Азарила, я тебе пока не помощник, — тихо попросил Дорд, и неожиданно для всех капитан беспрекословно подчинился секретарю.

После их ухода герцог некоторое время задумчиво хмурился, разглядывая валявшиеся на песке камзолы, потом решительно объявил:

— Леди и милорды, ввиду чрезвычайного положения, в которое попала наша компания, предлагаю считать себя аборигенами острова Хагмуту и перейти на упрощённую форму одежды.

— Вполне достаточно, если мы будем считать себя прибывшими на купание в летний дворец моего дяди... — сердито буркнула в ответ Церцилия, — там лорды и леди тоже ходят... довольно легко одетыми.

— Прошу прощения, не знал таких подробностей про забавы вашего дядюшки, — с чистой совестью снимая верхнюю рубаху и раскладывая её на песке, язвительно пробормотал Дорд. — А, кстати, леди, почему вы не ушли с шаманом?

— У меня амулет! — вспыхнула Церцилия и гордо показала извлечённый из выреза платья огромный тёмно-красный карбункул. — Хотя могу сознаться, тянуло здорово. Однако я не люблю ходить туда, куда меня тянут силой.

— Ну да, вы же любите приходить туда, куда вас никто не зовёт, — съязвил Райт, по примеру брата с удовольствием избавляясь от сапог и камзола.

— Потому что дядя... — начала было объяснять Церцилия, но оскорблённо смолкла и решительно стянула с себя верхнее парчовое блио, оставшись в прилипшем к телу промокшем шёлке нижнего платья.

И тут же ехидно хихикнула, заметив, с какой быстротой отвернулись от неё все мужчины. Кроме лежавшего с закрытыми глазами кузена Шерта.

Сидевшая в сторонке Тайлихон в это время методично снимала с себя украшения и ровным рядом складывала на один угол тонкого шёлкового платка, почти высохшего под

палящими лучами.

Даннак, прищурившись, с любопытством следил за её действиями.

— А Милли кто-нибудь из вас поможет? — безразличным тоном осведомился у девушек герцог и, чувствуя, как загорается лицо, поторопился перевернуться на живот. — Что-то солнце тут жарковато... пожалуй, вскоре придётся искать тень.

— Милли... — оглянулась на неподвижно лежащую переводчицу Церцилия, — тебе помочь снять верхнее платье?

— Нет... — не сразу отозвалась та, потом с усилием приподняла голову: — Дай-ка твой амулет... на минутку.

— Вот. — С непонятной Дорду покорностью маркатская графиня сняла с шеи кристалл и протянула знахарке. — Ну, как?

— В нём нет защиты от ментального воздействия, — с минуту подержав амулет в ладонях, вздохнула Милли, — не обольщайся. Это леди Тренна тебя спасла, воткнув в шамана столовое серебро. Он бросил в нас заклинание подчинения, а потом каждую из принцесс дополнительно притягивал... До тебя всего-навсего очередь не дошла. Все знают... твой дядя просто трус, не хочет скандала с женой... иначе давно бы признал тебя дочерью.

— Это ложь... — мгновенно обозлившаяся Церцилия почти вырвала амулет из рук магини, — не думала я услышать от тебя грязные сплетни.

— Цилия, — Милли снова откинулась на песок и прикрыла глаза, — не лги хоть себе. Он с законными детьми меньше возится, чем с тобой. И тебя к нему тянет, только и слышно дядя то, дядя сё... голос крови не обманешь. И вообще... зачем тогда зовёшь себя принцессой... если тебе противна эта мысль?

— А... — маркатка хотела что-то сказать ещё, но её перебил Райт.

— Не сходится, — серьёзно сообщил он знахарке, — там не все принцессы. Чистокровная только Аглесса, ну ещё, допустим, Галирия, а при чём тогда Риселла? И её компаньонка? Я сам видел, как она туда ринулась.

— Только при одном: шаман слишком хорошо для степняка осведомлён о таких тайнах, за которые Брант очень щедро заплатил бы своим осведомителям, — нехотя пробормотала Милли и, приподняв голову, оглянулась. — А вот и он возвращается.

* * *

Дорд исподтишка поглядывал на бледное личико с тенями под глазами и ловил себя на мысли, что ещё вчера его насторожили бы странные слова девушки, подняли бы волну подозрений и желания докопаться до истины. А сейчас...

Нет, желание узнать истину никуда не пропало, наоборот, стало ещё острее. Но почему-то изменились мотивы, по которым он желал знать, в какую опасную игру ввязалась эта глупышка с ведьминскими глазами? И от чего ему нужно будет её спасать; ведь стоять в стороне от её дел он больше не хочет... да и не сможет. Вот теперь Дорд с удивительной отчётливостью осознал, какие чувства испытывал отец, когда при малейшем намёке на угрозу первым делом забрасывал за спину мать. А в спокойное время отец почему-то норовил всё время держать её за руку и устраивать поближе к себе.

Он и сам бы теперь не отказался... очутиться рядом с Милли, положить её голову себе на грудь... не-ет, таких мыслей пока нужно стараться избегать. Не тот момент... но глаз он с

девушки теперь не спустит, это герцог знал точно.

— Ну, как?! — нетерпеливый Райт ещё издали задал капитану вопрос, который хотелось задать каждому из них, но остальные молчали, опасаясь услышать ответ.

— Дело плохо, — не стал скрывать Брант, — мы на острове. Очень маленьком и довольно далеко расположенном от материка или другого острова, лиги четыре, не меньше.

Это действительно было плохо, более того, очень скверно, и всё же Дорду показалось, будто капитан о чём-то недоговаривает. Интересно, почему? Собирается позже поговорить наедине или хочет взять решение всех проблем на свои широкие плечи?

Но так не получится. Северные лорды не из тех, кем можно командовать, они привыкли обдумывать последствия своих действий и сами принимать решения. Да и он не собирается перекладывать свои обязанности на кого-либо. Тем более теперь, когда ему нужно думать не только о себе... вернее, совсем не о себе. А маркатец вообще тёмная лошадка, непонятно, чего от него можно ждать, хотя наверняка это выяснится очень скоро. Дорд успел убедиться: в таких ситуациях, как эта, у людей из-под благородных масок очень быстро начинают проглядывать истинные, порой очень неприглядные лица.

— Говорите уже, капитан, — нетерпеливо фыркнула Церцилия, — что ещё вы там нашли, мы тоже имеем право знать... правду.

— Лабаз, — сядя рядом с братом, коротко сообщил Азарил.

Все на некоторое время примолкли, даже Тайлихон перестала звенеть браслетами.

— Чей, не определили? — приподнялся на локте Шертанс, и интерес, блеснувший в его глазах, очень не понравился герцогу.

— Скорее всего, пиратский. — Брант тоже сел. — Я считаю, его не стоит трогать.

— Если у пиратов есть хоть маломальский маг... то и близко подходить не нужно, — тихо сообщила Милли и приподнялась на локте. — А вода?

— Вот в том-то и дело, — капитан хмуро пересыпал песок, — что вода есть, но она рядом с хижинкой... с лабазом, как говорит Азарил. Там явно была в камне естественная выемка, но её искусно углубили, накрыли очень хитрой крышей. Когда начинается дождь, вода течёт в бассейн, а вот солнце не попадает. Противоположный берег острова более обрывистый и зарос кустами и деревьями, а рядом торчит несколько скал. Мы не стали особо рассматривать, но по уверению Азарила, там вполне можно при желании спрятать пару карбасов. С проходящих мимо кораблей рассмотреть их будет невозможно. И тогда становится понятно, зачем хозяева избушки собирали воду. По-видимому скрывались тут по нескольку дней. Думаю, нам лучше всего будет затаиться в кустах на дальнем, низком берегу и подождать...

— Да чего же ещё ждать?! — Маркатский граф даже вскочил на ноги от возбуждения. — Нужно быстрее занимать это место. Наверняка там есть припасы и оружие, нас шестеро здоровых мужчин, и у нас превосходство во внезапности... если найдём арбалеты, то половину отряда перебьём ещё на подходе.

— А вторая успеет вернуться на карбас и поднять парус. Чтобы через сутки или двое вернуться с тремя сотнями головорезов, — холодно осадил его Дрезорт, — и не хочется рассказывать... какой конец ждёт нас в таком случае. Особенно...

Капитан резко смолк, но все и так поняли, что именно он имел в виду. В случае поражения участь девушек будет поистине ужасной.

— Решено, — заявил Райт, бросив взгляд на стиснувшего зубы брата, — мы устроим себе укрытие в тех кустах. Но вот насчёт воды... пока можно терпеть, а потом?

— Потом и подумаем, — загадочно обронила Милли, поднимаясь с песка. — Куда идти?

Секретарь тотчас оказался рядом с девушкой, подхватил под локоть, помогая встать, и скомандовал капитану:

— Показывай, куда идти... и захвати, пожалуйста, мои сапоги.

Брови гвардейца чуть дрогнули в изумлении, но он сумел быстро придать лицу устало-невозмутимый вид, и этого никто не заметил. А затем Брант молча подхватил с песка вместе со своей одеждой вещи герцога и двинулся к западной оконечности небольшого, вытянутого в длину островка. Попутно ругая самого себя за очередную оплошность. Ну вот чему он так удивился? Подумаешь, мелочь, сапоги. Разве могут быть какие-то условности между друзьями, тем более в этой ситуации?

— Давай сюда, — тихий голос северянина прозвучал уверенным приказом, и все заинтересованно обернулись, — у меня будет в безопасности.

Даннак указывал ханшалли на длинный шёлковый жгут, в который она, по обычаю степняков, закрутила свои драгоценности, чтобы повязать на талии, как пояс.

— А может... стоит их разделить на всех и каждому спрятать свою долю? Тогда... в случае чего... хоть часть сохранится. — Шертанс, оказывается, тоже разгадал смысл действий ханшалли.

— Бери, — решительно произнесла степнячка и торжественно вручила свой драгоценный пояс северянину.

Тот как-то странно ухмыльнулся и, приподняв рубаху, повязал жгут прямо на голое тело.

— Не ожидала я... — еле слышно вздохнула Милли, — от него такого решения.

— Ты о чём? — тихо осведомился Дорд, но травница ответила лишь загадочным взглядом.

А герцог и не подумал настаивать, шёл рядом, исподтишка поглядывая на её утомлённое личико, и благодарил познакомившие их обстоятельства, вследствие которых теперь может обращаться с нею запросто.

Ведь сейчас они оба по статусу слуги... хоть и не простые, но всё-таки люди одного круга, и вполне могут позволить себе не разводить особых церемоний. И никому не должно быть никакого дела до того, как ведёт себя с переводчицей секретарь. Как с нарочитой небрежностью отрясает песок с подола её на удивление быстро просохшего платья, крепко придерживая девушку за локоток и не давая отстраниться.

Да, в общем-то, никого это и не смущало.

Внезапно помрачневший, как туча, Райт без обычного энтузиазма плёлся за капитаном, по детской привычке загребая песок босыми ногами. Тайлихон уверенно шла рядом с хранителем своих сокровищ, набросив один из многочисленных платков на голову и хитро связав концы на затылке так, чтобы солнце не попадало на нежную кожу, а ветерок не срывал тонкую ткань.

Церцилия, всучившая недовольному кузену верхнее платье и туфельки, топала в гордом одиночестве, и по кривившим её пухлые губки презрительным ухмылкам мужчины могли бы легко догадаться, кем именно она их считает. Если бы кто-то захотел об этом догадываться.

Брант... ну, с ним Дорд намеревался серьёзно поговорить наедине, наверняка чуть позже найдётся для этого возможность. Но никаких нападков на свою девушку он не потерпит! Герцог даже не представлял прежде, как это приятно... мысленно повторять «моя девушка», хотя сама она об этом пока не догадывается. На миг вспыхнула в душе злость на ловеласов Бранта, допёкших травницу своими подарками и букетами, и тотчас схлынула. О

чём жалеть, если у него тут ничего такого всё равно нет.

Придётся поломать голову, чтобы придумать, чем бы порадовать Милли, и похоже, времени на это у него будет достаточно. Зато сейчас она покорно идёт рядом, оставив безнадежные попытки вырвать свою руку, и на слегка покрасневшем от солнца личике блуждает робкая и чуть изумлённая улыбка, от которой сердце герцога сбивается с ритма. Ведь сразу понятно, девушка тоже искренне взволнована его соседством.

* * *

Милли действительно была изумлена и встревожена внезапной настойчивостью секретаря и ломала голову в поиске надёжного способа, каким можно по деликатнее избавиться от крепкой ладони собрата по несчастью, нагло вцепившейся в её предплечье. Не нужен этот скоропалительный роман ни ему, ни ей, а волнение замирающего сердца она как-нибудь сумеет подавить. Не впервой.

— Запомни самое главное... — повторяла не раз леди Тренна, и Милли верила своей наставнице всей душой, — тебе нельзя влюбляться. Ни в коем случае. Никогда не задумывалась, почему слово «полководец» — мужского рода, а слово «крепость» — женского? Потому как основные принципы их природы одинаковы. Женщина как крепость, пытается уберечь в сохранности свои ценности и секреты, а мужчина по натуре полководец и завоеватель. Ему нет дела до утончённой и хрупкой изящности очередной крепости, неинтересны хранящиеся в ней старинные легенды и мудрые сказания. Но он их всё равно завоюет и выведает, просто такова уж его натура, захватывать всё, попадающееся на пути. А чем сложнее завоевать очередную крепость, тем больше он потом будет собой гордиться. Но никто не может заранее с уверенностью сказать, в какой именно момент полководец распустит свою армию и оседет на постоянное жительство в очередном захваченном замке. А тебе необходимо сохранить свою тайну до конца... поэтому предстоит стать фантомом. Блуждающим замком, тающим в тот момент, когда на горизонте появляется очередной настойчивый полководец.

И Милли свято следовала этой заповеди, хотя, если сказать по правде, не так-то и трудно это было... с её мастерством знахарки. А отворотные зелья она изучила едва ли не лучше ядов. Вот только сейчас с нею нет даже повседневного кошель. Последние произошедшие во дворце события заставили припрятать его подальше... чтобы не навлечь на себя подозрение вездесущего Дрезорта.

Девушка некстати вспомнила Риселлу и огорчённо вздохнула: подлая судьба в очередной раз обрушила на подружку свой коварный удар.

Герцог мгновенно уловил печальный вздох и ободряюще сжал локоток переводчицы, пытаясь намекнуть на свою готовность помочь ей в любых проблемах. Незачем так тяжело вздыхать, теперь, когда он наконец-то отыскал свою единственную среди толп прелестниц всех королевств, всё у них будет хорошо. Дорд сам об этом позаботится.

* * *

Возле зарослей, до которых наконец-то добрела измученная и потрепанная компания,

беглецов ждало большое разочарование. Песок под густыми, но какими-то кривыми и растерзанными штормами кустами был слишком сырым. Кроме того, везде громоздились завалы натасканного волнами мусора, обломков досок и бочонков, рваных сетей и рыбьих останков. Дорд скептически осмотрел это безобразие и огорчённо вздохнул: устраивать тут лагерь не стал бы и самый последний бродяга.

Пришлось идти назад, и Милли больше не пыталась вырвать из руки секретаря свой локоть, наоборот, всё сильнее опиралась на неё, оправдывая свою слабость нестерпимой жарой. Девушка не имела права даже снять, подобно Цилии, тёмное верхнее платье. Оставалось молча терпеть и надеяться на Бранта, отправившегося искать подходящее местечко на другом конце острова.

— Может, посидишь, отдохнёшь? — с невероятно мягкой заботой спросил Дорд, и изумлённая этой интонацией травница на миг подняла на него взгляд, проверить, не издевается ли над ней вредный красавчик, как после первого знакомства обзывала секретаря Сел.

И тотчас торопливо опустила ресницы, бесконечно озадаченная увиденным. Лишь несколько человек в этом мире могли смотреть на неё ТАК. С доброй тревогой, заботливым теплом и ласковым вниманием.

Но все они: леди Тренна, кормилица, и тот, чьё имя было под строжайшим запретом, были ей близкими людьми... и имели право на такие взгляды. А этот лорд Кайд, вообще, по мнению Милли, был из категории тех самых мужчин, которых нужно тщательно избегать, если не хочешь смотреть вслед ему разбитыми окнами разграбленной крепости.

Она ведь не наивная селянка, чтобы не понимать, почему вдруг красавчик так резко изменил своё отношение к ней. Наверняка решил воспользоваться ситуацией, в которую они попали по вине проклятого шамана, и немного скрасить время вынужденного путешествия. Придётся как-нибудь поубедительнее ему намекнуть, что не стоит зря тратить на Милли своё время и обаяние. С нею такие штучки бесполезны, и хотя сердце девушки сладко замирает от тепла поддерживающей её сильной руки, никакого продолжения этого вынужденного соседства магиня не допустит.

У неё свой путь... очень нелёгкий, но выбор она сделала сама, и цену тоже заплатила сама, хотя... если совсем по правде, выбирать особенно было не из чего. Но в юности так хочется жить... как, вероятно и в старости, только сейчас ещё живы надежды на чудо. А вдруг однажды исчезнут опасность и несправедливость, найдётся мирный и достойный выход из безвыходного положения, и можно будет, ложась спать, не плести на всякий случай атакующее заклинание?!

— Тут большие камни... и кустов меньше, но мы нашли небольшую выемку под корнями, если углубить, можно поместить девушек, — отрапортовал вернувшийся из разведки Брант. И хотя стоял он перед герцогом, Милли почему-то казалось, будто обращается капитан к секретарю. Наверное, считает лорда Кайда старше и опытнее, сообразила девушка, и сама находившая секретаря вполне достойным принимать решения в их непростом положении.

— Веди, — кивнул лорд Кайд, и Милли тихонько ухмыльнулась, довольная своей догадливостью. И терпеливостью, ведь теперь ей уже не придётся читать секретарю строгую отповедь. Всё решилось и без её вмешательства. Раз девушки будут ночевать отдельно, лорду больше не удастся так настойчиво навязывать травнице своё общество. Хотя... жаль.

Оказывается, это очень приятно... когда о тебе заботится кто-то сильный, крепко

держит под руку и смотрит так нежно...

«Не все полководцы обстреливают попавшиеся на пути крепости шквалом подарков, цветов и комплиментов, — вовремя вспомнилось девушке высказывание леди Тренны, иногда возвращавшейся к волнующей Милли теме, — эти примитивные методы срабатывают только на тех, кто втайне мечтает сдаться. Самые хитрые и коварные действуют много тоньше и изощрённее. Ищут и подкупают предателей, бросают в атаку полки своих и чужих стихов и песен, поливают стены непрерывным дождём жалостливых историй и печальных вздохов, мгновенно разъедающих самый крепкий камень. И всячески проявляют заботу и внимание, едва ли камушки из-под башмачка не вытаскивают».

Магиня сердито стиснула зубы, надо же, как точно всё описала наставница. А она тоже хороша, расслабилась, размечталась. Ну так есть о ком помечтать... Не о Шерте же. Его похождения и дуэли давно стали темой сплетен... и не только в Маркате. А северяне хоть и очень симпатичные парни, но сразу дали понять: их интересует приданое и потому они не собираются никому морочить голову. Прямолинейно... но честно. Герцог... очень хорош, она при первом взгляде на него даже расстроилась. Но потом увидела этого... секретаря... и сразу поняла, от кого ей нужно держаться подальше.

Вот и держится... за его руку. Но это ведь ненадолго? Ну где же там эта проклятая пещерка?

С людьми Совета по надзору отряд Гарнелоса столкнулся на выезде из ворот.

— Остановитесь, — распахнув дверцу кареты, надменно скомандовал Вестур, — мы прибыли произвести расследование.

— У меня приказ капитана Брантера Дрезорта, — каменной невозмутимостью физиономия Жама могла поспорить с булыжниками мостовой, — срочно выдвинуться на заранее подготовленные позиции.

— На какие ещё?.. Ты мне голову осмелился морочить? Быстро говори, куда это вы собрались? — Вестур от злости едва не вывалился, шагнув мимо ступеньки.

— Я гвардеец его величества Багранта Теорида Кайгарского, короля Эквитании, — гордо отчеканил во всеуслышание Гарнелос, заработав несколько заинтересованных женских взглядов и одобрительный гул быстро густеющей толпы.

Аллею вдоль решётки королевского парка по традиции считала самым лучшим местом для прогулок самая знатная и богатая публика Дивнограда.

— И потому не имею права разглашать государственные тайны, — окончил фразу Жам, старательно не замечая, как наливаются кровью глаза секретаря Совета.

— Ты... идиот, не знаешь, с кем разговариваешь? — Вестур мог только хрипло шипеть, настолько переполняла его злоба.

— Знаю, вы заместитель господина Жаоллерниса, главы Совета по надзору за магическими преступлениями, — так же невозмутимо сообщил сержант, пропуская на улицу последнюю карету, и приглядывая за поваром, запирающим изнутри ворота на огромный замок, — однако я не маг и в моём отряде нет ни одного мага. Поэтому никаких магических преступлений мы совершить просто не могли. Однако, если вы считаете иначе, вам надлежит обратиться к его величеству Багранту Теориду, и, возможно, он рассмотрит ваше прошение. — Пришпорил коня и спокойно поскакал вслед спешно удаляющемуся отряду.

— Стой! — яростно выкрикнул Вестур, начиная понимать, как глупо проиграл в споре какому-то солдафону. И, дав себе клятву когда-нибудь добраться до этого плута, резко обернулся к воротам и скомандовал: — Открывай!

Однако стоящий у ворот повар и не подумал ему подчиниться. Наоборот, торопливо бросил ключ в специальный вырез на верхней части замка и опасно отскочил подальше. Синяя искра замкнувшегося заклинания побежала по металлической решётке, заставляя отшатнуться ахнувшую толпу. Защитный контур, сплетённый лучшими магистрами ковена, был активирован этим простым действием, и с настоящей минуты каждый, попытавшийся ворваться в замок, автоматически получал сразу два статуса: личного врага короля и самоубийцы.

— Извините, ваша светлость, — на всякий случай прокричал ошарашенный событиями последних дней повар, — но у меня приказ, подписанный его светлостью Дорданом.

— Покажи, — шагнул чуть ближе к решётке Вестур, чувствуя, как от потоков магии зашевелились волосы на теле.

— Вот, — его собеседник гордо достал из-за пазухи свиток, перевитый бледно-зелёным шёлковым шнуром.

Важно снял шнур, развернул и ошеломлённо охнул; тонкая серебристая бумага с вензелями и гербами вмиг осела на ладонях лёгким пеплом.

Обретя столь могущественного врага, Гарнелос ни капли не обольщался насчёт того, как поступит с ним Вестур, если ему удастся заполучить гвардейца в свои недобрые ручки. И не поможет ни король, ни почти настолько же всемогущий Брант. Нет, они не бросят его в беде, в этом Жам и мига не сомневался, обязательно начнут искать и предпримут всё возможное, чтобы спасти. Вот только вряд ли успеют. По долгу службы сержант знал почти столько же, сколько и его капитан, а кроме того, слышал осторожные шепотки завсегдатаев тех заведений, где полностью доверял хозяевам и не опасался выпить иногда пару кубков молодого вина.

Но не своя судьба сейчас волновала сержанта Гарнелоса, а жизни людей, которых он решился повести с собой в опасный поход. Сегодня в первый раз за десять лет службы гвардеец не стал выдавать подчинённым никаких приказов, а рассказал всё как есть и предложил выбирать. Остаться во дворце, который он намерен впервые за многие годы запереть в магическую клетку, или уйти вместе с ним. Во дворце никакой опасности осаждённых не ждёт, запасов продуктов хватит не на одну луну, а прямо под нижней кухней имеется собственный источник воды.

А вот какие трудности могут ждать добровольцев в походе, он и сам не знает, но такого спокойного путешествия, как несколько дней назад по Жёлтой реке, точно не обещает.

Как Жам и ожидал, вперёд шагнули все, только Зинер на миг замешкался, и сержант сразу вспомнил, что жена спокойного и мощного мечника ждёт второго ребёнка.

— Зинер, ты остаёшься тут за старшего, — серьёзно сообщил другу Жам, — и это не награда и не наказание, а важное поручение. Вестур попытается всеми путями снять защиту и проникнуть во дворец, ему хочется хоть чем-то досадить королю, и твоя задача удержаться как можно дольше. Я отправлю его величеству донесение и попрошу помощи, но когда она придёт, мне неизвестно. Всё, нам пора уходить, не показывайся соглядатаям Вестура на глаза, пусть ворота запрет на магический замок один из поваров. Пригрози перебить его семью, если он струсит перед Карзебиотом... потом извинись. Кстати, главным шпионом оказался пирожник, он пока не вернулся из города, я проверил. Проследи, чтобы никто с ним не разговаривал, если он придёт к решётке. До встречи... я в неё верю.

Все остальные гвардейцы за эти тревожные минуты успели собраться, запрячь коней и заложить повозки и кареты. Слуги Дорданда отстаивали своё право на участие в походе с настойчивостью уверенных в своём праве людей, и сержант не стал никого уговаривать остаться. Бывают в жизни людей такие развилки, где каждый должен сделать свой выбор сам.

И ничьи советы или благие намерения не могут в таких случаях спасти от фатальной ошибки.

Пока судьба играла на их стороне, позволив вырваться из цепкой хватки не ожидавшего такой наглости Вестура. Однако сержант отлично понимал, это преимущество лишь временное. И теперь только от Гарнелоса зависит, сумеют ли они воспользоваться им в полной мере.

Однако время шло, отряд преодолел почти половину пути, а сержант всё мрачнее смотрел на дорогу, отвергая уже десятый или двадцатый план спасения. Причём не только собственный. Время от времени кто-то из гвардейцев подъезжал к сержанту и излагал свой

взгляд на ситуацию. Сначала Гарнелос выслушивал предложения благодушно и заинтересованно, но под конец начал почти рычать.

Конечно, очень заманчиво за ночь перекрасить баркас в чужие цвета и притвориться маркатцами или гренесцами, вот только кто же этому поверит? Нет ничего глупее и пагубнее, чем считать своих противников круглыми дураками. Решить, будто имгантские офицеры пропустят мимо полное воинов судно, не осмотрев его с носа и до последнего трюмного закутка, может только совершенный идиот.

И когда подъехавший ближе гвардеец сообщил, что сержанта зовёт едущий в походной карете мажордом, Гарнелос лишь с мученическим видом поднял к предвечернему небу глаза. Плохи его дела, если уже и слуги, сугубо штатские люди, начинают давать воинам непрошенные советы. Однако, из уважения к капитану, считавшему Монрата самым преданным из всех герцогских слуг, не стал отказываться от его приглашения.

— Выпей прохладненького отвара, — первым делом предложил Монрат, когда сердито пыхтящий гвардеец шлёпнулся напротив него на сиденье.

— Как я понимаю, перед нами стоят две задачи, — начал мажордом неспешно, — избежать встречи с имгантской королевой и её войсками и погрузиться на баркас, не привлекая ничьего внимания. Всё остальное — мелочи.

— Правильно понимаешь, — хмуро буркнул сержанта и обнаружил перед носом блюдо, с которого слуга ловко сдёрнул салфетку.

Если кто-то скажет, будто видел гвардейца, отказавшегося после трёх часов езды от толстого ломтя хлеба, украшенного весомым пластом буженины, можно смело дать ему в зубы. За ложь. Не бывает таких гвардейцев, это Жам знал точно. Потому и решил не торопиться, да и какая в конце концов разница, где он едет, в удобной карете или на спине своего жеребца?!

Ведь едет же?!

— Так вот, как ни крути, а баркас мимо эскадры не пройдёт. Ты и сам это уже понял, не смотри на меня так сердито. И мозги над этой задачкой ломать не стоит, бесполезно. Да ты кушай, кушай, силы вам ночью ой как пригодятся. Вот ещё острый соус, с горчицей, не любишь мяско в такой макать? Стало быть, думаем, как пробраться мимо эскадры и не остаться без судна, ведь маги нас ждут с баркасом?! Ну, так это же очень просто. Мы не поедем в Эристу, незачем там туда ехать, двинемся вниз по берегу. А чтобы не столкнуться с имгантцами и никто после не нашёл нас по следам, пройдем Маровым ущельем. Там в эту пору поток неглубокий, я все места вокруг знаю, старый герцог очень любил охоту. Ты ешь спокойно, оно, ущелье-то, только через полчаса будет. Кареты и повозки там, разумеется, не пройдут, их придётся отправить в охотничий домик, в нём живёт смотритель с сыновьями... и защита у них крепкая. Развилка будет скоро, я потому тебя и позвал, чтобы лошадей сильно не гнал, им придётся везти нас по бездорожью. А вот ниже, там, где ущелье выходит к Жёлтой, есть деревня, Верховье, они сеном богаты, луга там заливные... по три укоса берут. И возят это сено продавать и в Дивногорск, через Эристу, и вниз по течению, в приморские посёлки, там скотину держат, а с сеном туго. Соображаешь? Возят сено в основном на плотах и связках плоскодонок, но у купцов есть и пара барок. Сначала я рассчитывал пересидеть в засаде, а как эскадра пройдёт, забрать барки и уйти на них, а потом решил тебя спросить, ведь они, поди, решат в деревнях посты оставлять, если получают сообщение от Вестура? Вроде Брант говорил, будто этот злодей с Аннигелл шибко дружен?! Стало быть, нужно кому-то одному отправиться в село и купить барку с сеном. И вот это самое трудное. Тебе идти

нельзя, Вестур твои приметы слишком хорошо запомнил. А вот меня там никто не знает, значит, дашь мне в помощь кого-нибудь из твоих, кто больше похож на деревенского. Заявимся, словно перекупщики из Ханга, портового городка, там народ проходной, каждый год половина меняется, приплетём насчёт срочности, заманим ценой. А как барка с флотом разминётся, причалим к берегу и заберём вас.

— Вроде должно получиться... — Жам даже про мясо забыл, — только брать нужно не одну барку, а несколько посуды нанимать или покупать и идти караваном. Тогда никаких подозрений. А от того места, где Гулява впадает, остальные плоты в сторону левого берега разверните, пусть идут до Сурочьей бухты и там ждут, а две-три самые крупные направишь в сторону мыса Розовых Чаек, мы в паре маленьких деревушек дозоры поставим. По ночам костры на берегу будем жечь, а днём вымпел повесим, с герцогскими цветами.

— Не вздумай! Какие тебе, к тьме, герцогские цвета! — так и подскочил Монрат. — Лучше подштанники возле пристани сушить развеси, на кустах либо на кольях для сетей. Если всё нормально — то парочку, а если опасность — больше двух или ничего.

— Договорились, — с уважением глянул на слугу сержант, — так, где развилка?

— А вон за той скалой, вправо, дорожка по склону, видишь? Совсем заросла, молодому хозяину не до охоты.

* * *

— Ты куда? — сонно возмутился Гиз, чрезвычайно недовольный исчезновением приятной тёплой тяжести со своего плеча.

— По-моему, за нами погоня, — тихо шепнула Тренна, торопливо натягивая на себя одежду.

— Как ты определила? — Магистр мгновенно проснулся окончательно и сел, шаря руками по постели в поисках своих вещей.

— У меня по дальнему кругу сторожка протянута. — Рука жены поймала его пальцы и вложила в них плоскую пилюлю. — Вот, держи, это «ночной глаз».

Магистр торопливо сунул пилюлю в рот, начиная догадываться, что свою Тренна проглотила ещё минут десять назад, и пока зелье не подействовало, не поднималась, чтобы дать ему отдохнуть лишние мгновенья.

— Вот твоя рубашка... личину накладывать будем?

Гизелиус блаженно улыбнулся. Деланое равнодушие магини могло обмануть любого, кроме эмпата, не прикрытого никакими щитами. Говорит так спокойно, словно это не ей потом придётся целый день смотреть в чужие глаза. А у самой в душе переплелся целый клубок эмоций... робкая надежда и тревога, нежность и что-то новое... такого он никогда раньше в её чувствах не замечал. Невероятно приятное тепло безграничного доверия, и вдруг, как листок полыни в терпком смородиновом чае, чуждое всем остальным чувствам смятенно-горьковатое сожаление.

Похоже, пришло время поговорить, вечером они ехали до тех пор, пока лошади могли находить тропу, потом при свете небольшого костра торопливо раскинули шатры, перекусили остатками жаркого и свалились, едва найдя силы раздеться. И можно пока не обращать внимания на сообщение Тренны о погоне, компании пяти сильных магов можно не бояться встречи с целым отрядом воинов. Разумеется, если там не будет увешанных запретными

амулетами недоучившихся магистров из подчинённых Вестура. Но и тогда есть шанс договориться, маги много больше доверяют коллегам, чем обычным людям.

— Тренна, — в маленьком шатре, по мере того как начинало действовать зелье, постепенно светлело, и маг, безошибочно найдя талию жены, притянул любимую к себе, — в чём ты ещё сомневаешься? Я понимаю, сейчас не лучший момент, но у нас с тобой всегда не хватает времени поговорить откровенно. Не хочу больше ждать ни минуты, я устал так жить. Пока мы вас ждали, мне хватило времени и упрямства, чтобы попытаться понять, чем меня так задел тот ваш ужин. Ведь ревность была первым чувством, вспышкой, не более. Основным было ощущение предательства... не торопись, я не слышу поблизости чужих эмоций, зато энергия здесь просто хлещет... ну, ты и сама чувствуешь. Так вот, про предательство... Не то, когда предают родину или друзей, это другое. Знаешь, как бывает, когда о чём-то долго мечтаешь в детстве? О яркой заводной игрушке, сказочной мельнице со стрекозиными крыльями и настоящим колесом, на которое можно лить воду? И однажды, придя на именины к незнакомому мальчику, видишь, как из коробки, принесённой твоей собственной матерью, он достаёт эту самую мельницу?!

— О боги... Зелик... — Тренна тесно прильнула к мужу, обхватила его обеими руками, — но мы просто...

— Я знаю, — спрятав лицо на шее жены, удручённо вздохнул ей в волосы маг, — но так уж совпало... вот уже несколько лет я мечтаю каждый вечер вот так спокойно ужинать с тобой на кухне... нашей, собственной. Чтобы было тихо, тепло и уютно... и больше — никого. Дети уже спят в кроватках, мне всегда виделось двое, мальчик и девочка, огонь почти погас...

— Зелик... — тихо плакала Тренна, — я так виновата... Но ведь я тебе первому послала письмо, когда получила извещение королевского суда о прекращении поисков отцовской экспедиции и о продаже за долги нашего имущества... А ты так и не ответил... я ждала несколько дней, потом послала мальчишку. Он принёс горькую новость... Господин, про которого велено спросить, внезапно рассчитался и уехал неизвестно куда, а хозяину сказал, что больше никогда не вернётся. Как я тогда могла это расценить? Ведь о твоих бедах мне ничего не было известно. Решила, будто сбежал, чтобы не связываться с нищей ученицей, которую директор королевского училища намерен выгнать за неуплату. Вот в тот день я и поклялась достичь всего сама и никогда больше не обращаться с просьбой ни к одному мужчине. И выйти замуж только по расчёту. Вскоре мне сделал предложение Сарджабиз, и я согласилась, он был много старше, умён, богат и надёжен... однако полюбить его я так и не смогла... мы расстались друзьями, по обоюдному согласию.

— Как это — по согласию? — Гизелиус едва не подскочил. — Он жив? Но... Тренна...

— Надеюсь, ты не разведёшься со мной, после того как я открыла эту маленькую тайну? — лукаво фыркнула магиня, вытирая щёки.

— И не мечтай... и где же он тогда?

— Сард мечтал отправиться в дикие пустоши, изучать руины старинного города Эр-Маджар, вот и разыграл собственную смерть, желая разом порвать со всеми обязательствами, которые держали его, как цепи. А я к тому моменту влезла в чужие тайны и связала себя нерушимыми клятвами. Прости, Гиз, пока я не могу тебе ничего рассказать, но клянусь... как только всё разрешится, мы немедленно уедем в тот дом, где сосны и белки... и у нас будут дети... девочка и мальчик.

— Я и сам по уши влез в чужие тайны и пока не могу увезти тебя в наш домик, — нежно

и благодарно целуя жену, пожаловался магистр. — А письма твоего, клянусь, не получал... И даже не надеялся на него, если честно. Ты всегда была так красива... и недосягаема... как я мог подумать?! Если бы ты хоть взглядом, хоть словечком дала понять. А уехать... вернее, бежать, пришлось срочно... Вестур был очень недоволен решением главы Совета. Наверняка собирался приготовить ловушку... вроде той, какую подстроила ты. Прости... это я просто к примеру, вот Ана и Ди он так и поймал.

— Я теперь знаю... недавно поняла... Сел и Милли в ту ночь рассказали мне... всё, что ты им говорил. Но почему ты никогда со мной об этом не поговорил?

— Наверно, обиделся... — виновато признался магистр, — ведь ты три года выбирала...

— Я не выбирала... — еле слышно вздохнула Тренна, — это была проверка... Великие боги, какой же, оказывается, душой я была... самой стыдно. Но в тот момент мне казалось, будто я придумала просто невероятно хитрую интригу... утончённую месть... Зелик, ты не перестанешь меня любить после того, как узнал всё это?

— Глупышка, — увлечённый исследованием любимых губ магистр почти забыл, какая новость их разбудила, — разве я могу на тебя сердиться за старые ошибки, если и сам наделал их ничуть не меньше? Ведь убегая в дальний замок короля, я должен был подумать о тех, кто захочет мне написать... Агранат нашёл бы возможность забирать мои письма. Эта... погоня, ещё далеко?

«Ну, вот зачем нужно было в такой момент напоминать жене про погоню? — вовсе костерил себя Гизелиус, вылезая вслед за любимой из-под полога в предрассветный полумрак и холод осенней ночи. — Правду говорят, будто трезвый рассудок и любовь схожи со снегом и весенним солнцем. Чем сильнее разгорается жар страсти, тем быстрее тают остатки здравого смысла».

— Уйдём потихоньку или разбудим Ана? — едва успела шепнуть магиня, как от ствола одной из толстых берёз, под которыми они устроили лагерь, отделилась тёмная фигура и скользнула навстречу.

— Я не сплю.

— Тоже кого-то почувствовал?

— Услышал топот. Там лошади... много. Сначала шли отрядом, или табуном... потом разбрелись. Мне кажется, это всё же отряд. Встал на привал на берегу последней речки, через которую мы перебрались. Можно съездить, посмотреть...

— Не стоит, — подумав, сообщила Тренна, — если это люди Вестура... у них могут быть маги.

— Нет, у него не может быть столько людей, — уверенно качнул головой Ан, — я слышал, как он ругал помощника, говорил, каждый человек на счету. И по времени не сойдётся... чтобы собрать и отправить такой большой отряд, нужно не меньше нескольких часов. Я другое думаю... какой приказ вы дали тому сержанту?

— Велела ехать в Эристу, сесть там на баркас и отправляться на мыс. А ты думаешь... Нет, нечего им тут делать.

— Поедем, проверим, — постановил Гизелиус, вспомнив самостоятельные и разумные суждения сержанта. — Мы же не знаем, как им пришлось уходить, возможно, путь на Эристу был закрыт?!

— Я уже оседлал двух лошадей... — скромно сообщил ученик, — но... может... леди пойдёт отдыхать?

— Забудь в походе слово «леди», мальчик, — ловко влезая на одну из лошадей, хмыкнула

Тренна, — лучше помни, что я один из самых сильных боевых магов ковена. Мы сами съездим, а ты присмотри тут за местностью, вот амулет срочного вызова. И, кстати... Магией какой именно стихии ты пользуешься?

— Я должен был стать магистром магии воздуха и живой природы... а ещё у меня очень тонкий слух.

* * *

— Надеюсь... ты не забываешь ставить купол тишины, когда вечером плетёшь защиту на наш шатёр? — минут через пять, когда, по мнению мага, они отъехали достаточно далеко, шепнул Гиз, придерживав коня, чтобы оказаться рядом с женой.

— Ты же знаешь... в это заклинание включено всё, и я давно привязала его на одно слово, поэтому можешь не переживать, нашего разговора никто не слышал. Меня волнует другое: отпустил бы Вестур парня так легко, если бы знал про все его таланты? — задумчиво ответила Тренна и невольно оглянулась, словно могла увидеть припавшего к земле чуткого ученика.

В самый последний момент Гарнелос неожиданно для всех изменил принятое ранее решение. Оставил отряд в закрытом с трёх сторон выходе из ущелья и лично проводил Монрата с помощником почти до деревни. Сам в деревню соваться не стал, затаился в кустах и внимательно следил за происходящим, ища хоть малейший намёк на присутствие в деревне чужих. Дозор из десятка гвардейцев следил за ним самим издали, готовый по первому требованию ринуться на помощь.

Однако в деревушке, протянувшейся вдоль берега одной улицей, было тихо и сонно, струились над крышами дымки, видимо, хозяйки приступили к готовке ужина. На небольшой площади между причалом и единственной лавкой играли в догонялки ребятишки, за ними гонялись весёлые дворняги, даже не облаявшие как следует приехавших чужаков. Сержант видел, как Монрат спросил о чём-то детей и уверенно направил лошадь к самому большому дому, несомненно принадлежащему местному старосте или купцу. Немного позже к грубому бревенчатому причалу, возле которого приткнулось несколько барок, пристала рыбацья лодка. Высадившиеся из неё на потемневшие доски рыбаки выгрузили снасти, и разбрелись по деревне, утаскивая домой добычу. Двое рыбаков, тащивших самые большие корзины, потопали в сторону лавки. Все правильно, хмыкнул понятивый сержант, должок за выпитое винцо понесли, не иначе.

Наконец Монрат вышел на высокое крылечко, достал из кармана огромный синий платок и тщательно обтёр лоб и шею. Это был условный знак, что переговоры удались. И в самом деле, через несколько минут по деревне побежал с сообщением подросток, а чуть позже к причалу вяло потянулись недовольные мужики. Явно не обрадованные внезапно свалившейся работой.

— Ладно, — нехотя покидая своё место, пробурчал сержант, — утром проверю, а теперь пора и об остальных подумать.

На всякий случай Жам решил встать на привал подальше от деревни, хотя пару дозоров по три человека всё же оставил. В разных местах, но так, чтобы они могли слышать и видеть друг друга. И отдал им последний настроенный Таргелем амулет, помогающий найти отряд по маячкам.

Ехали до самой темноты, хотя и люди и лошади выбились из сил; переход по ущелью оказался не таким уж лёгким делом. И когда остановились на берегу мелкой речушки, сержант велел костры не зажигать, перекусить и ложиться спать. Сам устроился с краю в последнем пологе, наказав дежурным будить себя немедленно, если они заметят хоть что-то подозрительное.

Сон пришёл не сразу, и хотя ныла уставшая от непривычно долгой скачки спина, беспокойство за людей заставляло чутко прислушиваться к малейшему ночному шороху. Где-то ухнул филин, пискнула неподалёку мышь, тревожно зашуршали под порывом ветра листья деревьев.

Появившийся в последние десятилетия обычай никогда не отправляться в серьёзные поездки без магов постепенно приучил Жама, да и других офицеров, на ночёвках оставлять им охрану отряда. И теперь, когда вокруг отряда не было брошено ни одной сигналки и не протянут даже слабый охранный контур, сержант чувствовал себя странно беспомощным и беззащитным. И всё никак не мог отвлечься от сжигавшей душу тревоги за правильность

принятого решения, за своих людей и невесть куда сгинувшего капитана.

А потом как-то резко провалился в тяжёлый, без сновидений, сон, дающий отдых телу, но не напряжённым нервам. Потому сначала и показалось, будто рука дежурного осторожно дёрнула его за плечо в тот же миг, как он закрыл глаза.

— Что случилось? — подскочил сержант, нащупывая лежащее в изголовье оружие.

— Дозорные приехали, говорят, барки отплыли, — виновато шептал гвардеец, — ты велел разбудить, когда появятся.

— Правильно сделал. — Сержант уже сбросил плащ, которым укрывался, и вскочил на ноги. — Где они?

— Я велел спать устраиваться, да они не так много и видели, мужики сено ещё до ночи на барки нагрузили, всей деревней, как мураши, работали. И барки сразу отчалили, а Монрат с Харсом с ними, лошадок тоже забрали, на последней барке пристроили.

Это было самое слабое место их плана, лошади. Хотя и выбрали самых старых коней, они всё равно были много лучше обычных деревенских трудяг. Да и породы совсем другой, таких в селе не оставишь вместо денег, каждый дурак поймёт, что дело нечисто. Пришлось придумывать целую легенду, и как теперь было ясно, она сработала.

Вот ещё не задумались бы над этим вопросом имгантиские сыщики, когда будут проверять встречные барки. А они будут — в этом у сержанта не было никакого сомнения, королева Аннигелл платила служившим ей хорошее жалованье, хотя за малейшую провинность выгоняла без разговоров. А за серьёзную наказывала так, чтобы другим потом надолго хватило наглядного примера.

— Какая смена? — оглядывая чуть поблёкшее на востоке небо, поёжился от утреннего холодка сержант, начиная понимать, как ошибался. Не так мало он спал, уже близится рассвет.

— Пятая, — отозвался дежурный, — скоро шестую будить.

— Иди, поспи, я сам покараулю, всё равно больше не засну, — отпустил сослуживца сержант, и тот, не споря, нырнул на его ещё не успевшее остыть местечко.

Стараясь ступать неслышно, Жам обошёл лагерь, прислушиваясь к сопению и похрапыванию друзей, приткнулся на выворотне, намереваясь немного поразмышлять о том, как бы лучше перехватить караван с сеном, и вдруг услышал сердитое ржанье Лютого. Жеребец, ещё несколько лет назад захвативший власть в табуне гвардейских лошадей, был необычайно чутким и злобным животным, и управляться с ним могли только двое, сам Брант да Жам. На чужих людей, а особенно лошадей, он реагировал лучше цепного пса, издали предупреждая хозяина о появлении гостей.

Жам торопливо вскочил с места и метнулся в ту сторону, держа наготове сигнальный рожок, на случай, если Лютый просто отпугнул кабана или рысь. Волков и других крупных хищников в этих местах летом и осенью не встречалось, вот ближе к весне приходили вслед за зайцами.

Мягкий, неяркий, как свечение, оторванное от прогоревшего полена, магический шарик возник неподалёку, заставив сержанта оцепенеть от ужаса. Вот и всё, приехали. Воевать с магами самое гиблое дело, даже если это не получившие звание магистры. Хорошо, если удастся договориться... возможно, гостям нужны деньги или лошади. А если это люди Вестура, можно сразу складывать оружие, против их амулетов не выстоять даже элитному отряду гвардейцев. Хорошо, если половина отряда останется в живых... но у них нет с собой ничего такого, за что стоило бы платить такую высокую цену.

— Никогда не стоит сдаваться, даже не начав сражение... — пробурчал мужской голос, и два всадника остановили своих лошадей прямо перед сержантом.

— И никогда не стоит начинать сражение, если видишь, насколько противник сильнее тебя, — возразила леди Тренна, ловко спрыгивая с коня прямо в руки своего спутника, — здравствуй, Жам. У тебя всё в порядке? Почему не отправились на баркас?!

— Сейчас расскажу, — с облегчением выдохнул сержант и вдруг снова напрягся от только сейчас пришедшей в голову мысли. Что он круглый дурак и полнейший идиот. Поверил леди, совершенно выпустив из памяти тот простой факт, что служит она проклятой Аннигелл. Совсем голову потерял с последними событиями. А всё капитан, почему-то вдруг начавший доверять знахарке. Или не было случаев, когда жёны выступали против своих мужей? Особенно когда ещё очень аппетитные особы долго живут вдали от мужей! Вон как цепко ухватился за неё незнакомый лорд, словно за законную собственность.

И как теперь ему поступить? Делать вид, будто продолжает верить ей как прежде? А попозже попытаться обвести магиню? Или сразу сказать всё, что он думает, и ждать приговора?

— Жам, я понимаю, ты перенервничал и устал, но хватит уже паниковать, — устало вздохнул мужчина, — давай разожжём костёр и поговорим, да не переживай, нету тут никого чужого на десять лиг вокруг. Наш лагерь неподалёку, Ан услышал ваших лошадей, и мы отправились посмотреть, кто это путешествует по ночам. Вполне мог быть имгантский отряд или собранная Вестуром погоня. Таргель и Ди тоже с нами, я уже дал им знак, скоро подъедут.

— А кто ты?! — Жам почти поверил, но не мог не задать этого вопроса.

— Я Гизелиус, только в новой личине. Сам понимаешь, людям Вестура слишком хорошо знакома моя внешность. Поэтому не стоит им знать, что я не лишился памяти и способностей. Можешь проверить, если не веришь. Задай любой вопрос, я отвечу.

— Где Брант? — не замедлил Жам выпалить главный тревожащий его вопрос.

Однако маг ответил не сразу. Сначала отошёл к оставленному сержантом месту, осмотрелся и щёлкнул пальцами над толстой валежиной. Прогнивший ствол занялся пламенем с такой охотой, словно не казался сырым, как топляк. Магистр расстелил свой плащ на соседнем стволе, усадил притихшую жену, устроился рядом и только после этого хмуро сказал потрясшие сержанта слова.

— Брант вместе с герцогом и толпой гостей должен быть где-то на побережье. Среди приглашённых оказался тёмный шаман, тот толстячок, который сопровождал степнячку. Он увёл в портал принцесс и бросил на нас очень гадкое заклинание... вероятность спастись была крошечной. Я отправил всех, кто оказался рядом с нами, телепортом на Битар, но мощности, чтобы донести их до места, у моего амулета недостаточно. По моим подсчётам, они должны оказаться на берегу океана на полпути от Жёлтой до диких земель.

— А если выкинет в море? — Сержант иногда отличался удивительной прямолинейностью.

— Всё равно есть возможность спастись, большинство из них отлично умеет плавать, — сурово глянул на гвардейца Гиз. — Ты не видел, что осталось от свиней? Если бы я не решился на переброс, все люди лежали бы на полу зала такими же кучками.

— Ты понимаешь, что именно ты мне сейчас сказал? — Надменно выпрямленная женская фигура медленно повернулась от окна, возле которого стояла, и на гостя презрительно уставились сузившиеся от злобы глаза.

— Да при чём тут я?! — взвился мужчина, ещё не сообразивший, что ему теперь не спорить нужно и не на равных в её лицо смотреть, а падать на пол, скулить и цепляться за подол, прося о помиловании. — Меня и близко там не было. Да моих людей во дворец Багранта вообще не пускают...

Он, наконец, разглядел проскакивающие в ледяных голубых глазах искры бешенства и смолк, но не подумал даже приподняться с любезно предложенного пару минут назад кресла. С присущей ему самонадеянностью ошибочно полагая, будто ничего сделать она ему не может, нет у неё такого права. Да и амулеты на нём именно для такого случая висят едва ли не лучшие в срединных королевствах. И в таком случае большее, чем может наказать её величество чиновника, занимающего высокий пост в независимом ведомстве — это несколько минут женской брани. Неприятно, но вполне терпимо.

— Значит, наш коллега оказался предусмотрительнее нас, — холодно процедила королева и мстительно встряхнула колокольчиком. — Стража! Немедленно схватить этого человека, он оскорбил наше величество! Отправить в трюм! Пусть наш палач выяснит, как он связан с похитителями её высочества!

Вестур побледнел от возмущения и попытался встать, но знакомая до сих пор только по описаниям ловчая сеть уже стискивала его упитанное тело, а сознание заливала волна горячего ужаса. Как же так, он же не просто какой-нибудь обедневший граф или опальный барончик, он сам Вестур Карзебиот, с ним нельзя так поступать...

— Что тут происходит? — Звук знакомого, мягкого и вкрадчивого голоса Хисланда ре Франгса показался Вестуру райской музыкой, светом спасения, и заместитель главы Совета из всех сил рванулся, тщетно пытаясь сообщить о творящемся тут беззаконии.

Однако советник королевы не обратил никакого внимания на её очередного пленника, прошёл мимо, словно даже не заметил, по-хозяйски цапнул царственную ручку и впился в бледное запястье смачным поцелуем, откровенно играя на публику.

Стражники с привычной сноровкой подхватили арестанта и поспешно вымелись из кабинета, отлично зная, какая кара ждёт их за каждую секунду промедления.

Хисланд держал ухоженную, надушенную руку у губ ровно до той секунды, пока дверь мягко не закрылась за стражниками. А затем небрежно уронил и, непочтительно отвернувшись от королевы, вальяжно направился в сторону выставленной на гостевом столике закуски.

— От тебя опять пахнет чужими духами — почти с ненавистью глядя на его худую спину, обтянутую модным камзолом, буркнула королева, нехотя шагая следом.

— Я же молчу, когда от тебя пахнет Людвигом, — равнодушно отозвался он, спокойно усаживаясь в кресло и наливая себе терпкого горячего отвара из бодрящих трав.

Щедро плеснул в бокал крепкого вина, добавил ложку мёда и с наслаждением отпил несколько глотков. И только после этого насмешливо взглянул на любовницу, потерявшую от возмущения дар речи.

— Он — мой муж! — По прикрытым иллюзией свежести щекам Аннигелл алыми

пятнами растекался гневный румянец.

— Муж — это не только браслет на руке, — с холодной издёвкой сообщил советник, — это ещё и мужчина, который во всём поддерживает свою женщину, сидит рядом с ней на приёмах и, в конце концов, всегда греет ей постель.

Такого оскорбления королева не ожидала. Больше того, приказала бы убить любую гадалку, которая лет двадцать пять назад сказала, будто когда-нибудь Хисс, её верный и преданный возлюбленный, сможет сказать такое.

— Но ты же сам... — Женщина даже задохнулась от острой боли, неожиданно резанувшей по сердцу.

Королева внезапно осознала, что до этого момента даже не подозревала, как много обиды и разочарования накопилось в её оледеневшей душе, если очередной выпад любовника оказался последней каплей. Ведь изменял ей Хисс давно, едва ли не с того дня, как жрец храма плодородия защёлкнул на её запястье брачный браслет. Хотя первые годы успешно скрывал и сами измены, и своих любовниц. Однако постепенно обнаглел совершенно и скрываться перестал, поясняя это необходимостью соблюдать конспирацию. Дабы приближённые считали её верной женой и порядочной женщиной.

В том, что так не считает ни один дурак, Аннигелл убедилась совершенно случайно, заставив одного из придворных магов сделать ей на бал-маскарад мужскую личину.

Личина вышла очень удачной, многие из тех шутников, кто неосмотрительно распускал языки в парадных залах её дворца, до сих пор о том жалеют... но Хисс тогда впервые не стал оправдываться и искупать свою вину сумасшедшими ласками.

— Я не могу заткнуть каждый рот, — сообщил советник хмуро, когда королева вывалила на него ворох обвинений, — но ты же не глупая... могла сообразить последствия своего выбора. И не сваливай теперь всё на меня.

Он и теперь почти с точностью повторил те же слова. Лишь холодно добавил, что это она решила отправить сюда дочь, он сразу был против этого брака. И вот это заявление мгновенно вывело Аннигелл из себя.

— Да никто и не собирался отдавать её агранатскому выродку! — В ярости Аннигелл зачастую выдавала советнику самые заветные свои замыслы, и он давно научился этим пользоваться.

— И как ты намеревалась этого избежать? — с искусно разыгранной недоверчивостью хмыкнул Хисс, и она сорвалась окончательно.

— Проще простого, при выходе из храма или по дороге на него бы напали... один укол кинжалом... — Королева говорила всё тише, словно коря себя за вспыльчивость, но останавливаться было поздно. — Ты же знаешь... по нашим законам брак считается совершённым в тот миг, как защёлкнулись браслеты. А после Агли поплакала бы для вида, а мы бы ввели войска в Анрим, якобы для её охраны.

— Знал я о твоей сумасбродной мстительности, — с сожалением протянул Хисс и сделал ещё несколько глотков, — но всё же считал тебя немного умнее. Ну и зачем Аглессе на всю жизнь клеймо чёрной вдовы и имя проклятого Теорида? Прибрать к рукам герцогство можно было значительно проще... в составе королевства, если бы ты хоть на миг забыла про месть своему первому жениху. А теперь у тебя ни дочери, ни герцогства... Вот почему ты не последовала моим советам и согласилась перенести смотрины в эту дыру?

— Они ничего слушать не хотели, ты сам там был... — ещё спорила Аннигелл, хотя понимала, Хисс снова прав.

Ей просто очень хотелось поскорее завершить задуманную много лет назад месть, а любовник советовал дожидаться первых морозов. А едва намертво схватятся болота и озёра Гибельной трясины, лежащей меж двумя хребтами, как раз на границе государств, войска Имганта вкатятся с помощью магов Карзебиота в Эквитанию как по мощёной дорожке.

— Кстати... я дал указание посадить Вестура в самую лучшую камеру и освободить от сети... — придирчиво выбирая себе закуски, небрежно бросил Хисс. — Он, конечно, тот ещё дурак... но пока нам нужен. И перестань стоять столбом, садись и перекуси... потом будем писать ноту Багранту... пусть ищет нашу дочь. А я пошлю вестников старым знакомым... возможно, нам удастся найти её раньше.

— Не смей называть её дочерью! — предсказуемо вспыхнула Аннигелл.

— Почему? — ядовито заухмылялся Хисс, — ведь Людвиг называет моего ребёнка сыном?

— Это разные вещи! — Королева и сама не могла понять, отчего её так бесит это обращение.

И хотя сама она никогда особой любви к Аглессе не питала, однако всегда помнила, в ком из её детей течёт королевская кровь, а в ком её лишь половина.

— Анни, — обманчиво мягко начал Хисс, но его бледно-серые глаза резко сузились и потемнели. — Это абсолютно одинаковые вещи, если забыть на миг про твой титул. И прекрати без конца укорять меня изменами, надоело. Не я первый начал... Представь, каково мне было смотреть, как моя женщина, носящая под сердцем моего ребёнка, счастливо улыбаясь, в лицемерно белоснежном покрывале топает в супружескую спальню под руку с другим мужчиной? Чего рот открыла, как деревенская дурочка? Думаешь, легко было невозмутимо стоять под любопытными взглядами целой кучи придворных лизоблюдов, только и ждущих, чтобы у меня на лице дёрнулся хоть один желвак! Да мне в те минуты убить всех хотелось... начиная с тебя. И, конечно, я тебе соврал... не стал я ждать, пока твой прекрасный принц наставит мне рога... я первый наставил их тебе в ту ночь.

— Хисс... — Королева даже внимания не обратила на признание, которое в другой момент вывело бы её из себя, — ты же сам предложил... этот вариант... я тогда была так растеряна... мне просто не с кем было больше посоветоваться!

— Я предложил?! — желчно проскрежетал Хисс. — А что ещё мне оставалось делать, если ты не видела самого простого выхода? Вот у Аграната хватило смелости жениться на почти безродной девчонке и бросить ради неё трон, я думал, и тебя наведёт на правильное решение его пример! Молод был, глуп... проявил благородство... Теперь-то я точно знаю: нет ничего глупее благородных порывов... а тогда ждал, что и ты ответишь тем же... вот и дождался. А ведь до самой последней минуты верил... Вот сейчас ты вырвешь у своего принца руку и кинешься ко мне... или как-то по-другому прервёшь эту лживую свадьбу... Не подходи! Теперь поздно... Мой сын носит имя Эстаргот и никогда не простит тебе, если ты расскажешь ему правду. И никогда не признает меня отцом... Чёртовы гувернёры постарались, вбили ему в голову ваше королевское высокомерие. К тому же, имя ре Франгс звучит не так выразительно и не измазано по самые уши... королевской кровью! Не надо, не шипи, хоть и переписали твои историки все книги в королевских архивах так, как хочется вашей семейке, да остались документы в других странах. Да и легенды ходят... впрочем, я не об этом. Не хочешь, чтобы я звал Аглесс дочкой?! Ну и не надо. Но тогда ищи себе других помощников... а я умываю руки.

Хисс изящно поднялся с кресла, обогнул ошеломлённо застывшую королеву и с

невозмутимым видом двинулся к двери.

— Я прикажу... тебя схватить... — задыхаясь от ненависти и боли, прорычала Аннигелл, но советник только оскорбительно ухмыльнулся в ответ.

— Попробуй...

И спокойно вышел из кабинета.

Несколько минут королева скрежетала зубами, потом не выдержала, ринулась к столу, схватила самую большую вазу и с силой запустила в дверь.

— Скотина!

— Истеричная дура! — приоткрыв дверь, издевательски-ласково бросил Хисс и мгновенно захлопнул створку.

С довольной ухмылкой дождался очередного удара в дверь и звона осыпающихся осколков и жёстко глянул на застывших охранников, даже дыхание затаивших от страха. Эти люди точно знают, кто именно подписывает все важные приказы и от чьего слова зависит, премию или порку получит каждый из них.

Всё, вот теперь можно с чистой совестью идти в свою каюту, королева не успокоится, пока всё не перебьёт и не нарыдается до икоты. Потом выпьет стакан успокаивающего и к обеду приплетётся просить прощения. А он будет её утешать и признаваться в любви.

Так всё знакомо и противно... но деваться пока некуда. Зато теперь у советника гарантированно есть несколько часов, чтобы написать на дорогой зачарованной бумаге несколько важных писем и разослать их магической почтой. А главное, в тишине роскошной каюты спокойно поразмыслить, почему события неожиданно пошли совершенно не так, как было задумано.

Устройством грота для девушек занялись северяне, как-то незаметно оттеснившие от этого дела лже-герцога и его секретаря. Откуда-то достали внушительного размера ножи и принялись умело копать и отгребать землю из-под толстых корней росшего на краю обрыва дерева. Брант, посмотрев на их слаженную работу, хмуро сообщил, что отправляется собирать подсохшие обломки досок для костра. И деликатно намекнул на необходимость распределить дежурства; чуть позже придётся установить наблюдение за бухтой, наверняка хозяева склада не возвращаются раньше вечера.

Дорд не стал с ним спорить и настаивать на своём участии в копании укрытия тоже не стал, сразу видно, такая работа для парней просто забава. У него неожиданно появилась странная потребность всё время находиться рядом с Милли и делать всё, чтобы ей было удобно и спокойно.

Выбрав сухое и тенистое местечко рядом с огромным валуном, герцог тщательно очистил его от мусора и колючих стеблей ежевики, заполонившей крутой склон. Затем отобрал у Райта камзолы, расстелил на самом удобном месте и настойчиво усадил на них настороженно притихшую Милли.

Рядом с ней герцог пристроил степнячку, намереваясь присесть с другой стороны, однако травница его опередила.

— Цилия, иди сюда... и перестань дуться. Кто-то давно должен был тебе это сказать... сама понимаешь, кроме вас с королевой это ни для кого не секрет. И то... за неё я не стала бы ручаться.

— Ладно... — занимая место возле магини, ещё ворчливо буркнула маркатская графиня, но этим и ограничилась.

Почему бойкая и капризная графиня становилась заметно более покладистой, оказавшись возле Милли, герцог пока не задумывался. Втайне надеясь, что вскоре травница и сама расскажет ему все свои тайны.

А как же иначе? Ведь их жизни с недавнего времени тесно переплетены, жаль только, он не осознал этого с самого начала. Ну так и понятно почему, родная кровь сказала. Вот и отец не сразу понял... про маму. Дорд сам пару раз слышал шутливые признания отца, как вовремя он вспомнил про оставленный оруженосцем под подушкой кинжал. Иначе всё не мог придумать повод, чтобы вернуться. Разумеется, когда-нибудь он всё равно бы к ней приехал, сердце звало, но опоздания не смог бы себе простить. После слов про опоздание отец обычно начинал сердито сопеть, и только ласковый взгляд или улыбка матери могли вернуть ему спокойствие.

Лишь после гибели родителей Гиз нехотя обмолвился, что миледи тоже была просватана, и даже свадьба была назначена на ближайший праздничный день. Если бы юный король оказался менее расторопным и решительным, никогда бы не бывать им вместе. Слишком строго относится к таким вещам, как обряд в храме плодородия, его матушка.

— Милли... а как ты думаешь... сколько нам тут сидеть? — устроившись поудобнее, примирительным тоном спросила Церцилия, тоскливо рассматривая окружающие их замшелые камни.

— Не знаю... — травница сразу помрачнела, — то заклинание... было очень скверным на вид. Я пока таких не изучала, но леди Тренна и Таргель были очень встревожены. Там мне

было не до того, чтобы задумываться, а теперь припоминаю, как они кричали... если мы хотим жить, то дойдём... Значит, там, в зале, не оставалось никакой надежды на спасение.

Дорд, присевший прямо на землю у ног Милли, ошеломлённо застыл, потрясённый этими словами. До сих пор, занятый шквалом новых для него чувств, он даже не удосужился задуматься о произошедшем... и совершенно не тревожился за учителя.

Просто всегда был беззаветно уверен в его изворотливости и живучести. А вот теперь вдруг совершенно отчётливо осознал, что магистр никогда так не поступил бы. Не швырнул бы их с Райтом одних в неизвестность, если оставался хоть малейший шанс на спасение.

Герцог оглянулся на Райта, моля богов, чтобы тот не услышал и не понял...

Тщетно надеялся. Лицо кузена горько скривилось, резко дёрнулось плечо, и Райт, отвернувшись, помчался куда-то прочь, не глядя под ноги.

Дорд мгновенно вскочил с облюбованного местечка и ринулся следом, хотя ещё минуту назад собирался упорно сидеть там до того самого момента, когда можно будет подать травнице руку, помогая подняться с валуна.

— И даже не стесняются... — едко усмехнулся Шертанс и нахально уселся на место секретаря у ног Милли.

Причём позволил себе придвинуться намного ближе к её коленкам, чем Дорд.

— Это неправда! — неожиданно для себя вспыхнула магиня. — Ну зачем вы так говорите!

— А я ничего такого не сказал, — нахально разглядывая девичье личико, пожал плечами граф. — Вы сами, милая леди, что-то подумали... а раз так, значит, слышали разговоры... люди зря говорить не станут. Вот, например, про меня... говорят, будто я дамский баловень и дуэлянт... Против последнего спорить не стану, никому не позволю обращаться с собой, как с деревенским простаком. А вот про дам сильно преувеличено. Хотя я просто мечтаю, чтобы меня баловала какая-нибудь юная особа... с такими загадочными зелёными глазами, как ваши. И волосы тоже... бесподобно хороши... я ведь сначала думал — вы банальная шатенка, и только на солнце заметил, сколько в ваших локонах алого золота... да вы почти рыженькая, как очаровательно!

Милли даже растерялась в первый момент от таких откровенных комплиментов, но ещё больше от беззастенчивых мужских глаз, разглядывающих её с прямотой покупателя. Словно она выставленный на продажу щенок или лошадь... и можно вслух говорить про густоту шерсти и экстерьер.

А граф, пользуясь этой мимолётной заминкой, галантно взял травницу за пальчики и потянул руку к себе, словно намереваясь погадать по ладони, — недавно появилась такая новая забава у скучающих повес. Каждый из них, заучив названия пары линий, мнил себя великим хиромантом или просто пользовался модным пристрастием, чтобы безнаказанно потискать девичью ручку.

Милли испуганно дёрнула руку к себе, леди Тренна настрого запретила ей разрешать кому-либо гадать по ладони. Особенно мужчинам. Года три назад наставница сама посмотрела руку Милли и потом долго ходила мрачная, что-то вскользь буркнув про двойное переплетение, которое после каждого события может кардинально менять свое толкование.

— О, неужели вы боитесь, леди, доверить мне ваши сердечные тайны, — продолжая крепко держать её руку, игриво приподнял бровь Шерт. — Как интригующе! И кто же успел зацепить ваше нежное сердечко? Но кто бы он ни был — это страшная ошибка! Уверяю вас, никто не может по достоинству оценить нежность и красоту вашей души, кроме вашего

преданного слуги!

— Так! А ну встал и отправился за дровами, преданный слуга! — негромко, но зловеще рявкнул незаметно подошедший к нему сзади Брант. — И нечего голову девушкам морочить, когда остальные работают!

— Я высказал свое предложение, но никто не захотел прислушаться, вот теперь и расплачивайтесь за свою трусость. — Шертанс ещё презрительно кривил губы, а в его глазах уже плескалось понимание.

Про Брантера Дрезорта тоже ходило достаточно сплетен, причём одна другой невероятнее. Но в одном все совпадали: капитан никогда не проигрывал поединков. И те редкие счастливицы, с кем он сводил бой к ничьей, после гордо считали себя его друзьями, зато над теми, кто проиграл, ещё долго потешалась вся знать срединных королевств. Поскольку Брант никогда не убивал поверженных врагов. Хотя некоторые предпочли бы умереть, вот только капитан всегда заранее оговаривал себе право в случае победы требовать с проигравшего исполнения желания. Одного-единственного. Но вся интрига в том и состояла: никто и никогда не мог заранее предугадать, какой именно каприз придёт в голову победителю.

Толстый, как бочонок, барон, считавший себя до одного несчастливого часа непревзойдённым бойцом в поединках на двуручных мечах, решил сначала, будто ему невероятно повезло, когда за проигрыш в схватке Брант приказал доставить от рынка до гвардейских казарм купленную им свинью. Причём ограничений было только два: запрещалось использовать чужую помощь и убивать животное.

Часа через три завсегдатаи и гости рынка, плотно облепившие крылечки, заборы и все остальные пригодные для наблюдения места, катались от хохота, глядя, как распаренный и злой барон, стоя на коленях возле мелкой грязной лужи, лживо ласковым голосом уговаривает проклятую тварь вылезать и идти домой. Однако хрюшка, сожравшая на дармовщину две огромные корзины пирожков с мясом и рыбой, пришла к этому моменту в такое благодушное настроение, что не имела никакого желания куда-то там плестись на полный желудок. Не помогал ни кнут, ни попытки вытащить её из лужи за хвост, ни свежие пирожки, притащенные счастливой кухаркой, за утро сделавшей трёхдневную выручку. Причём, наравне со свежими пирогами в свинское чрево ушли и наскоро разогретые чёрствые.

— На каком оружии вы желаете со мной сразиться, ваше сиятельство?! — холодно поинтересовался капитан, помахивая принесённым обломком доски.

Это тоже было одной из его прихотей — вызывая на бой обидчика, бросать в него не ножны и не перчатки, а первый предмет, какой нашёлся под ногами.

«Мои гвардейские перчатки слишком милы мне, чтобы пачкать их об рожу всяких негодяев», — в пылу ссоры объявил капитан когда-то и с тех пор свято придерживавшийся этого правила.

— Не до поединков нам сейчас, Брант, — укоризненно обронил вернувшийся секретарь и, одним рывком поставив Шерта на ноги, веско прошипел тому в лицо: — А вот если вас, граф, я ещё хоть один раз увижу ближе к этой девушке, чем на три шага, то лично отправлю на тот свет! И не стоит ухмыляться; в отличие от Бранта, я не гвардеец и никаких клятв не убивать людей иначе как ради пользы отечества не давал.

— А если вы, граф, посмеете сейчас поднять голос или оружие на моего друга, — немедля подхватил эту угрозу Брант, — я сам вас убью, и будьте уверены, никакая клятва мне

не помешает. А теперь — марш за дровами, я их вон там в кучу сложил!

Шерт оскорблённо вскинул голову и, старательно пряча бурлящую в груди радость, неторопливо потопал в сторону моря. Вознося про себя благодарность всем богам за подаренное минуту назад терпение. Если бы он не сумел смолчать и вставил, по обыкновению, едкое словцо, чёртов капитан уже тащил бы в сторону замусоренных кустов его труп. Слишком уж бешеным огнём полыхнул в глазах Бранта гнев и красноречиво побелели костяшки стиснутых на рукояти знаменитого кинжала пальцев.

— Однако... — озадаченно хмыкнула Цилия, провожая кузена взглядом, — какая популярность!

Милли смутилась почти до слёз, расслышав в словах принцессы завистливое изумление. И тотчас не на шутку обиделась на лорда Кайда.

Ну вот что она ему такого сделала, этому секретарю, почему он считает себя вправе преследовать её в открытую?! Да ещё и делает при всех столь откровенные заявления, словно получил на Милли какие-либо права?! Конечно... лорд был сегодня очень заботлив и любезен и всячески старался ей угодить... но ведь делал это по собственному желанию?! Лично она ведь не давала никакого повода?

— Извини, — по-своему понял её волнение Дорд, — не стоило мне уходить, но... герцог... так переживает за леди Тренну и мага, его нельзя было бросить в такую минуту.

Она тоже очень переживает за леди Тренну и за Гизелиуса, но это вовсе не повод преследовать её настойчивой опекой и ссориться из-за неё со спутниками, — хотелось ответить Милли, но она смолчала, сражённая прозвучавшим в голосе секретаря откровенным огорчением и светившейся в его глазах заботой. Опустив взгляд, девушка осторожно обирала с подола подсохший мусор и пыталась придумать, как бы вежливее объяснить лорду Кайду, что давно привыкла заботиться о себе сама и не желает, чтобы её имя как-то связывали с именем лорда. И вообще, он волен уходить когда захочет и куда захочет и не обязан докладывать Милли обо всех своих намерениях.

— Пещерка готова. — Подошедший с сообщением Азарил помешал Милли прочесть секретарю задуманную нотацию, а через минуту было поздно.

Лорд с такой учливой заботой помог девушке подняться, отрясти от песка подол её простого платья и, бережно поддерживая, отвёл к устроенному северянами убежищу, что выговор за грубое преследование был бы в этот момент совершенно несправедлив и неуместен. Сейчас поведение лорда заслуживало только кучи благодарственных слов.

Если бы ещё не светившееся в его глазах откровенное восхищение и нежность, слишком явное, чтобы этого не заметили все окружающие!

Едва представив, как они с секретарём выглядят со стороны, магиня пришла в необычное смятение и не могла и рта раскрыть, догадываясь, как неверно будет истолкована присутствующими любая её фраза. Вежливость примут за проявление ответных чувств, резкость — за глупый каприз... нет, лучше всё же смолчать.

Оставшись наедине с новыми подругами за густым занавесом ежевичных стеблей, Милли с нескрываемым облегчением выдохнула; внезапный интерес лорда Кайда тревожил намного сильнее, чем назойливые ухаживания целой толпы гвардейцев. Мельком оглядев глинистые стенки тесной ниши, заботливо выровненный и застланный травой пол, девушка обессиленно опустилась на расстеленные внимательным секретарём камзолы, отобранные им у мужчин. Хотелось попробовать спокойно обдумать, каким способом можно вежливо, но непреклонно сообщить свалившемуся на её голову настойчивому поклоннику о своём

нежелании принимать его ухаживания?!

— Ну, подруга, поздравляю, — с затаённой завистью выдохнула Церцилия, скользнувшая в нишу последней, — красавчик секретарь попался, как муха в мёд. Не могу понять, какие особые прелести он в тебе рассмотрел, только других девушек теперь и в упор не видит.

— Да, это верно, — неожиданно вступила в разговор молчаливая Тайлихон, — надёжный мужчина... повезло тебе.

— Это тебе повезло! — вспыхнула рассердившаяся Милли. — Вышла замуж за отпрыска одной из самых знатных семей Лурдени, почти принца, и сидит тихо, как мышка.

— Да, мой Даннак очень хорош, — гордо вздёрнула носик ханшалли, — но мы не про него сейчас говорим! А про лорда Кайда... он по-настоящему тебя выбрал, сердцем... а не умом.

— Постойте... — невежливо перебила подруг по несчастью Цилия, — я не поняла... когда это она вышла за него замуж? Вроде даже слова такого не было произнесено!

— Это в ваших королевствах мужчины говорят много слов... очень много красивых слов, — пренебрежительно фыркнула степнячка, — а потом спокойно уходят к другим женщинам. У нас в степи не так... достаточно одного жеста, кивка... или просто взгляда, и судьбы соединены навсегда. Теперь я всюду пойду за ним... а он никогда меня не оставит.

— Да он же не степняк! — чуть не взвыла от такой несправедливости Цилия. — Ну с чего ты взяла, будто он на тебе женится... когда это... приключение... закончится?! Может, просто помашет ручкой и уедет в свою холодную Лурдению?!

— Он хорошо знает их обычаи... — вступилась магиня за обиженно поджавшую губки ханшалли, — наверняка усерднее изучал географию и обычаи разных народов, чем ты, поскольку сделал всё по правилам... Вот только сомневаюсь, признает ли его зятем отец Тайлихон.

— Признает! — На скуластом личике степнячки расцвела лукавая ухмылка. — И даже очень рад будет! Хан специально отправил меня на воды, чтобы я нашла себе достойного мужа... Для моего отца деньги и золото значения не имеют, важно родство со знатной и уважаемой семьёй.

— Вот, значит, как... — понимающе протянула Милли, — а откуда тогда этот шаман рядом с тобой оказался? Не забывай... он увёл Гали, а Даннак с Азарилем — её братья.

— Он страшный человек... — почему-то шёпотом сообщила Тайлихон, оглядываясь в сторону импровизированного занавеса, — пришёл в наш сарт лет пять назад... когда на стада мор напал. Скот он вылечил, но отцу пригрозил... если слушать его не станет, все вымрут. И животные, и люди... Когда уходил, шесть дочерей великой степи с собой увёл... у каждого хана по лучшему цветку из сада вырвал. Мне повезло, маленькая ещё была, старшая сестра, Бильнехон, с ним уехала... с тех пор он иногда появляется на правах зятя... когда ему что-то нужно. А отказать нельзя... сразу ничего не будет, а как уедет — беда случается... то ковры горят, то шатры ветер уносит. Станный ветер: плохие и тонкие шатры стоят, а богатые и крепко привязанные — улетаются, как птицы.

— А почему он тебя не утащил с собой? — недоверчиво разглядывала степнячку Цилия. — там, во дворце... ты же считаешься принцессой?!

— Когда я совсем маленькой была... — помолчав, нехотя призналась ханшалли, — проезжал через наш сарт маг... гадал всем по руке. Я сама не помню, сёстры рассказывали, вылез из-за подушек малыш... волосы налысо острижены, штаны мальчишечьи... и тоже ручонку протягивает. Маг посмотрел и говорит, а ты будешь красавицей, и путь твой лежит

далеко от родного очага, но берегись маленьких мужчин. А когда уезжал, оставил для меня вот этот амулет... велел, чтобы отец отдал, когда мне исполнится двенадцать. Я хорошо это запомнила; всего через месяц, как отец повесил мне на шею подарок мага, впервые появился Каражай. Я сразу поняла... про кого было то предупреждение.

— Можно взглянуть? — Глаза Милли светились трепетным интересом, и степнячка не посмела отказать.

Нехотя вытащила из-за глухого ворота рубахи висевший на цепочке медальон и показала магине. Однако в руки не дала, да Милли и не нужно это было. Знакомая вязь магических символов и густая зелень трёх изумрудов без слов говорили посвящённому взгляду, что это изделие магистра разума, мощный защитный амулет от любого ментального принуждения.

— Спрячь, — заслышав шаги, шепнула Милли, — это действительно сильная вещица.

— Но я ещё и руками крепко держалась, — мгновенно возвращая амулет на место, призналась Тайлихон, — он на меня два раза смотрел... аж голова кружилась.

— Девушки, Азарил уже жарит рыбу, — донёсся снаружи учтивый голос секретаря, и Цилия со степнячкой невольно прыснули, увидев, как страдальчески вытянулось лицо магини, — а мы бочонок целый нашли... правда, пока пустой, но сейчас нальём морской воды, можно будет сполоснуть перед обедом руки. И ещё... Даннак хочет что-то сказать своей... невесте...

На последнем слове лорд невольно запнулся, видимо и ему показалась невозможной такая поспешная помолвка.

— Не невесте, а жене, — невозмутимо поправил голос Даннака, и насторожившаяся было Тайлихон расцвела довольной улыбкой.

— Иду, — кротко сообщила она вслух и торопливо покинула убежище, напоследок стрельнув в подруг победным взглядом.

— Скажи, пусть не таскают морскую воду, — успела буркнуть ей вслед удручённая Милли, — я сейчас приду и попробую что-нибудь сделать.

Она ещё несколько минут сидела, пытаясь привести мысли в порядок и наскоро заготовить достаточно строгую и одновременно учтивую фразу, способную дать лорду понять, насколько излишне проявляемое им внимание. Однако необходимые слова никак не желали находиться, казались то недостаточно убедительными, то слишком грубыми. Наконец, с досадой признав, что совершенно не знает, как выкрутиться из создавшейся ситуации, Милли нехотя выбралась наружу.

Возле ниши, к изумлению и удовольствию магини, настырного ухажёра не оказалось, зато появилась Тайлихон. По её сияющему личику и чуть припухшим губам стало понятно, Даннак начинает понемногу пользоваться своими правами мужа, и это почему-то кольнуло сердце магини мимолётной завистью. Мелькнула даже крамольная мысль: наверное, очень спокойно жить под надёжной защитой такого сильного воина, и тут же была с позором изгнана. Ей, Милли, такая перспектива не грозит, ей вообще нужно держаться в стороне от мужчин, а они, как назло, так и выются последнее время вокруг, словно пчёлы возле забытого на веранде варенья.

Пожалуй, необходимо вести себя ещё осмотрительнее, а то она как-то расслабилась под прикрытием новой должности, начала заводить с лордами разговоры и даже... Милли со стыдом вспомнила ту перепалку... когда привезли магистра. И вдруг ясно вспомнились слова Кайда... про доказательство...

Так вот в чём дело! Значит, секретарь решил... доказать... пока есть возможность... а

она-то, дурочка наивная, переживает тут, придумывает, какие слова сказать, чтобы не оскорбить ненароком чувствительное сердце лорда!

— Мне Даннак показал... он устроил место... — приглушив голос, заговорщицки сообщила Тайлихон, — сами понимаете, какое. Идём, покажу, кому нужно.

Милли сначала не сообразила, какое это место могли устроить мужчины, и даже насторожилась, однако Цилия одобрительно усмехнулась и первой ринулась за степнячкой по едва заметной тропке. Возникшие сомнения вынудили травницу осторожно последовать за подругами, а обнаруженная в самой глубине густых кустов узкая ямка заставила покраснеть почти до слёз. Вот как умудрился этот несносный лорд настолько запутать ей мозги, что во всех самых обыденных вещах травнице видится посягательство на её честь и свободу? Ведь ей представилась чуть ли не беседка для свиданий!

И как дальше избегать его навязчивой заботы? Хотя нельзя сказать, чтобы это было совсем уж неприятно — смешно ведь солгать себе самой. И к тому же душу невероятно грела неприкрытая зависть Цилии. Раньше всегда было наоборот... изредка попадая вместе с леди Тренной и остальными воспитанницами в город, Милли точно знала, кому из соучениц первой скажет комплимент встречный молодой повеса или пришлёт мальчишку с букетом случайно оказавшийся в чайной лорд. Цилия уже тогда была ярче всех, и даже строгое платье монастырской воспитанницы сидело как-то особенно обтягивающе-ловко на её рано оформившейся фигурке.

[Купить полную версию книги](#)